КОРДОН

В ОБЛАКАХ

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

КОРДОН В ОБЛАКАХ

Издательство «ДОСААФ»
Москва · 1969

ОТ АВТОРА

Далеко, в заоблачной вышине, в суровых безлюдных горах, где пролегает меж скал государственная граница нашей страны, стоит эта не совсем обычная застава. Горстка людей, обосновавшись на маленьком пятачке, словно на палубе корабля, поднятого на гребень высокой волны, несет службу по охране воздушного пространства Отчизны. Техники радаров, операторы, планшетисты и воины других специальностей — почти все комсомольского возраста. В напряженной боевой работе мужает их характер, крепнет воля. Они становятся стойкими, испытанными бойцами нашей армии. И в том, что наше небо всегда чисто, большая заслуга воздушных пограничников этого заоблачного гарнизона.

Недавно я побывал у дозорных советского неба, познакомился с их жизнью и

работой, записал рассказы о службе на переднем крае противовоздушной обороны, где всегда нужно глядеть в оба.

Свою книгу я посвящаю тем, кто служит и будет служить в отдаленных гарнизонах.

ЛЕЙТЕНАНТ ТИМЧУК

Крохотное плато, на котором разместился военный гарнизон, как бы поднято над горами, и только далеко на горизонте возвышаются каменные пики со снежными наростами.

Горы наверху совсем голые и выглядят неприветливо. Огромное красное солнце низко висит над ними, словно это и не солнце вовсе, а какая-то незнакомая чужая планета. Даже радуга вокруг светила — будто кольца Сатурна.

Ветрено. В горах ветер несет с собой холод и неуютность.

Безостановочно крутятся на взгорке огромные ажурные антенны радара. Излучая невидимые электромагнитные волны, они «прощупывают» воздушное пространство на сотни километров вокруг. И ничто не минует их, не останется незамеченным: ни облако, ни птица, ни самолет. Даже от идущих по равнине поездов ложатся на экраны, у которых постоянно дежурят операторы, электронные тени.

Южный склон плато покат. Внизу, из расщелин в камнях, дыбятся диковинные деревья с толстыми, словно обрубленными стволами, покрытыми сухой и шероховатой корой. Разлапистые ветки усыпаны пыльной серо-зеленой хвоей, перекручены, как будто из них выжимали воду.

Вдали, километрах в десяти-двенадцати, у подножья скалы виднеется несколько крохотных белых домиков.

Вечером они обозначены коротенькой цепочкой огоньков. Там погранзастава. За заставой опять горы. Где-то очень далеко они почти сливаются с небом. За этими сумрачными горами чужая земля.

На маленькой спортивной площадке смуглолицые солдаты (в горах и зимой можно загореть) в нижних рубашках нетерпеливо толкутся возле снарядов. Одни, молодцевато покряхтывая, выжимают штангу, другие неумело дубасят друг друга старенькими боксерскими перчатками, а то и просто ожесточенно машут руками, стараясь согреться.

Лейтенант Тимчук, в парадном костюме, на ходу приглаживая темные, коротко остриженные волосы, торопливо прошел мимо солдат. В другое время он непременно бы остановился, выбросил бы штангу, навесив на нее еще «блинок» — другой — «для порядка», как он любит говорить, чтобы подзадорить солдат, а то скинул бы тужурку и единым махом взлетел бы над перекладиной. Но сегодня лейтенанту недосуг. С Большой земли поступила телефонограмма: офицеру Тимчуку срочно прибыть в штаб соединения.

Он, конечно, догадывается, зачем его вызывают. Начальство предложило его кандидатуру на должность командира отдельной высокогорной роты, в которой он служит сейчас. И вот теперь командование, очевидно, решило побеседовать с ним. Тимчук взволнован предстоящим разговором, ему хочется скорее спуститься с гор, скорее выяснить обстановку.

Через тридцать минут Тимчук уже качается рядом с шофером по бесконечной, запутанной, как клубок ниток, горной дороге. Тяжелая пятитонная машина с двумя ведущими мостами уверенно переваливает через хребты, спускается в ложбины, петляет по серпантинам.

Глядя на узкую, извивающуюся по ущельям и отвесным карнизам дорогу, лейтенант вспоминает... Сколько раз уже ему приходилось вот так же трястись в машине, выезжая по разным делам в штаб. Случалось отмеривать километры этой дороги и пешком, случалось ночевать в горах. Ночь в горах хороша летом, когда нагретые за день камни дышат солнечным теплом. Пахнет травами, а где-то вдалеке убаюкивающе журчит горный ручеек. Но когда здесь непроглядный туман или про-

ливной дождь, когда свищет ветер, заметая ущелья и дороги снегом, когда машина выходит из строя — настроение бывает, как говорят, ниже среднего.

Думал ли Тимчук, что ему придется жить в этом каменном царстве? И не видеть месяцами никого, кроме своих сослуживцев? Летними днями жариться на горячем солнце, а зимними ночами клацать зубами от холода под двумя одеялами и шинелью? И долбить камень до седьмого пота для спецсооружений и корчевать крепкую, как секвойя, арчу на дрова, набивая кровяные мозоли на руках? И воду собирать по ущельям для питья, и постройки сооружать из щебенки, и хлеб печь, и сапоги точать? Самые заядлые романтики получают здесь от матушки-природы все, чего днем с огнем не найдешь в другом месте.

А с каким нетерпеньем ждут в роте человека с Большой земли. Ждут продуктов и запасных частей для установок, ждут писем, газет и журналов. Ведь только письма (бесконечное спасибо тому, кто их придумал) связывают здесь солдат с родными и любимыми.

Стоит только упасть в окно блику света от фары автомобиля, вынырнувшего на мгновение из ущелья, как солдаты тут же без сожаления бросают насиженные места у телевизора и высыпают на улицу. Ждут, прислушиваются... А машина, может быть, еще где-то очень далеко. Может, пройдет мимо, на пограничную заставу.

А тот, кто возвращается в роту, сердцем понимает, что надо во что бы то ни стало скорее доставить все вести в солдатские руки. И торопит шофера, и бредет, по колено увязая в снегу, навстречу пронизывающему до костей ветру. И когда, смертельно уставший, вваливается в казарму и видит радостные и счастливые лица солдат, усталость исчезает, на душе становится тепло и покойно, как может чувствовать себя человек в своей семье.

«А сколько еще предстоит мне ездить по этим дорогам», — думает Тимчук. Ведь он уже все давно решил, он, конечно же, даст согласие стать командиром этой отдельной роты. Что там ни говори, в двадцать три года приятно быть командиром. Но хватит ли у него пороху? Не рано ли взваливать на плечи такой груз? Ведь придется самому принимать решения, поступать, как

того потребуют обстоятельства, отвечать за судьбы многих людей...

Он невольно вспоминает рассказ командира роты капитана Топчиенко, который теперь уезжает служить в другое место, о том, как здесь, в горах, было лет десять назад, когда только организовалась рота воздушного наблюдения, оповещения и связи — рота ВНОС, и один из ее постов находился на этом почти игрушечном плато, где сейчас их точка.

На посту жило лишь несколько человек во главе с командиром отделения — сержантом. Им было поручено, как и людям на других постах, следить за воздушной обстановкой.

Тогда не было здесь умных локаторов, от которых нельзя скрыться ни днем, ни ночью, ни в пургу, ни в дождь, которые видят за сотни километров. Все техническое хозяйство на КП ВНОС состояло тогда из самодельной деревянной треноги с курсовым планшетом и резиновой трубки для переговоров наблюдателя с радистом.

При появлении самолета наблюдатель, сидя в окопчике, определял с помощью планшета, установленного по компасу, направление полета и передавал это радисту, а тот сообщал обо всем на КП роты. Высота цели выяснялась довольно примитивно: расчетным способом с помощью простейших оптических приспособлений.

Ночью, когда все вокруг обволакивало густой, как деготь, темнотой, направление полета узнавали на слух.

Жили наблюдатели в землянке, выдолбленной в камнях, воду для питья и пищу привозили из ущелья на ишаке.

Газеты и письма сюда доставляли два раза в месяц. Изредка солдаты по одному ходили в кино на пограничную заставу, которая находилась в десяти километрах от поста.

С появлением скоростных реактивных самолетов посты ВНОС уже не смогли обеспечивать противовоздушную оборону нужной информацией.

И вот тогда-то на плато создали радиолокационный пост. Наблюдение за воздухом теперь велось с помощью радара. Возвышенное место оказалось очень удобным для работы локаторов — радиоволны почти нигде не

встречали препятствий на пути. Спустя год здесь уже размещалась рота. Число радиолокационных станций увеличилось.

Оборудование сюда привозили окружным путем, идущим вдоль границы, и на это уходило много времени. А между тем станциям постоянно требовалось горючее, запасные части. Тогда началось строительство «прямой» дороги через главный перевал, той самой дороги, по которой Виктор Тимчук ехал сейчас вниз. Трудное это было строительство. Саперы день и ночь взрывали красную горную породу, сооружали насыпи, или, как здесь говорят, «площадки» для разъездов и разворотов машин.

Сначала локаторщики жили, можно сказать, по-походному — в обыкновенных палатках, с полом из камня плитняка. Потом была построена казарма. Солдаты сами лепили из глины производственные и подсобные помещения. Некоторые сооружения, словно для того, чтобы сохранить память о поистине героическом времени, стоят и по сей день. В одном сейчас столярная мастерская, аккумуляторная и дизельная. Первый пункт управления тоже делали сами. Теперь это помещение переоборудовано под склад горюче-смазочных материалов.

Офицеры роты тогда еще жили без семей, по-холостяцки. И только когда были построены финские домики, в высокогорном поселке появились женщины, а потом и дети.

Машина огибает нависшую над дорогой скалу. Молодой водитель солдат Джамал Вагидов — веселый добрый кавказец, в роте его все любят, зовут Жориком. Он жить не может без гор, без такой вот дьявольской езды по кручам и ущельям. Горы — это его стихия. Он всегда поет что-то свое, дагестанское, сидя за баранкой.

— У нас в Дагестане, где я раньше жил, есть повороты и покруче, — мастерски проведя машину над пропастью, говорит он, трогая усы-шнурочки, за которые ему часто попадает. «Нет, вы только ответьте, что это за джигит без усов?» — оправдывается он в такие минуты. И темные глаза его хитро улыбаются.

«Здесь еще тепло, — думает Тимчук, когда машина, наконец, спустилась с гор. — А у нас на Украине уже выпал первый снег...»

И он представляет, как по свежему, пахнущему арбузами снегу, с ранцами и сумками за спиной бегут в школу ученики его матери, кидаются снежками. А потом по протоптанной дорожке пройдет в валенках, повязанная теплым платком, и она, его мама. В одной руке, словно у ученицы, портфель с книгами, в другой стопка тетрадей. До полночи, наверное, проверяла.

Жалеет ли он, что судьба забросила его так далеко от дома — в пески и горы? Нисколько! Он ведь знал, на что шел, когда решил стать офицером. Давно решил, когда еще учился в школе.

— Жизнь офицера — жизнь на колесах, — говорила осторожно мать. Она хотела, чтобы сын знал, на что идет.

— Но ведь колеса — это и есть самая настоящая жизнь, — отвечал он ей с внутренней убежденностью.— Ты сама воспитала меня непоседой.

Да, Тимчук, еще живя дома, считал себя взрослым самостоятельным человеком. И, конечно, его собственные мысли и убеждения казались ему правильными. Наверно, отцы и матери в конце концов начинают недопонимать своих детей, которых манят далекие неизведанные дали. Может быть, это закономерно...

Сначала он уехал по комсомольской путевке работать на Макеевский металлургический завод, потом поступил в Вильнюсское радиотехническое училище.

Учиться было совсем нетрудно. Своим чувствовал он себя в курсантской семье. И радость и беду здесь делили на всех.

В училище он вступил в партию, познал законы крепкого войскового товарищества. Там судьба свела его с друзьями и единомышленниками: Эдиком Сыровым, Васей Комизом, Колей Коваленко. Как повзрослели они после училища...

...Взять хотя бы Эдика. В училище он был середнячком. Дисциплина «хромала у него на обе ноги». Про таких говорят: человек настроения. Никогда нельзя было сказать, как он поведет себя в следующую минуту. Некоторые думали, что он и женился по настроению. Но Тимчук так не думал. Скорее, это любовь с первого взгляда. Пишут же в книгах о такой любви. И он верил этим писателям. В жизни бывает по-разному.

Тимчук помнил, как Эдик уехал из роты. А спустя дня три или четыре заявился с тоненькой, как былинка, девушкой. «Познакомься, Витек, это моя жена». И лишь по биркам на чемодане товарищи узнали, что он прилетел из Баку.

Недавно у Сыровых родилась Наташа.

Комсомолец лейтенант Сыров теперь начальник радиолокационной станции. И в подчинении у него одни комсомольцы. Станцию так и называют — комсомольской. Эдик отлично ладит с людьми, хотя и бывает порой горяч. Он не боится трудностей, не боится черновой работы, и солдаты любят его за это.

...Василий Комиз тоже теперь командует станцией. Вася — молчун. У него все чувства глубоко спрятаны. О чем думает, не узнаешь. А работает хорошо. Без суеты. Любит технику. Недавно его приняли в партию.

Расчеты обеих станций соревнуются между собой. И не всегда легко бывает определить, чей коллектив работает лучше.

...Коля Коваленко, курсантский певец. С осени прошлого года работает оперативным дежурным части. Дело у него серьезное, ответственное. Ему приходится контролировать работу нескольких рот. Тимчук видится с ним в основном, когда спускается с гор, к сожалению, не очень часто, а вот по телефону они разговаривают почти каждый день. Обычные деловые разговоры. «Эх, если бы его направили к нам в замполиты, — думает Тимчук. — Мы бы с ним, конечно, сработались. Ведь сердце у него комиссарское. Надо будет непременно поговорить об этом в штабе».

Тимчук вспоминает, как начальник политотдела училища полковник Астахов предлагал Николаю после окончания училища остаться там, но Коваленко не остался, сказал, что хочет начать службу в войсках.

И на новом месте Коля, что называется, душа коллектива, увлекается общественной работой. Не случайно коммунисты батальона выбрали его секретарем своей партийной организации.

Ну, а что изменилось у самого Тимчука за три года учебы и два года работы?

Приехал он в высокогорную роту на должность заместителя командира по технической части. Это большая честь для молодого, только что окончившего учи-

лище офицера. Тимчук, конечно, понимал, что значит это доверие, понимал, что во что бы то ни стало нужно оправдать его.

Поначалу трудно было. Очень трудно. И чего душой кривить, если бы не старые офицеры, особенно командир роты капитан Топчиенко, то еще неизвестно, сумел ли бы он так быстро найти свое место.

Тимчуку вспоминаются тяжелые для роты дни. Нужно было срочно отправить в капитальный ремонт старые станции и заменить их новыми без ущерба для боевой работы. Сложность заключалась еще и в том, что рядом в это время не было командира. Его обязанности исполнял Тимчук. Ох, и пришлось же ему тогда попотеть. По трудным горным дорогам пробирались многотонные машины и прицепы с хрупким и очень дорогим оборудованием. Погода в те дни, как на зло, стояла дождливая, слякотная. Дороги раскисли и оползали. Малейшее неверное движение грозило аварией. В иных местах оборудование поддерживали веревками чуть ли не всей ротой.

Однако все обошлось хорошо. Задание выполнили.

«Почему же я должен сомневаться сейчас?» — думает он. И чтобы как-то подбодрить себя, начинает вспоминать историю: люди в семнадцать-двадцать лет командовали дивизиями. Их командующий генерал-лейтенант во время Отечественной войны в двадцать два года командовал дивизионом.

«Мы ведь сыновья своих отцов, — думает Тимчук.— Знаний как будто бы получили достаточно. Не гоже вроде бы пасовать перед жизнью, ждать чего-то, стоять на месте. Конечно, трудностей впереди будет хоть отбавляй. В роте чуть не половина солдат — новички, только что прибыли с призывных пунктов. С техникой, конечно, не знакомы. И офицеры теперь остаются все молодые, неопытные. Выше лейтенанта никого нет».

Тимчук усмехается: «Эко разнюнился. И не совестно? Ведь хоть и на отшибе живем, но всегда связаны с соседними частями и их командирами. Помогут! И в первую очередь поможет, конечно, майор Шамалюк. Ведь он ближе всех, если что — и приехать может. Утром сядет в машину, а в обед уже будет в роте. А опыт у него дай бог. В войну был разведчиком. Дошел до Берлина. Больше десяти лет служит в этом

военном округе. Был и командиром взвода, и начальником ротного узла связи, и командиром роты. В каких только переплетах не приходилось ему бывать. Так что я не один».

Тимчук уже знал, что ответит командиру.

А если его спросят, кого назначить на его место — заместителем командира роты по технической части — то он, не задумываясь, назовет лейтенанта Вячеслава Новицкого.

* *
*

...Новицкий прибыл в роту из Красноярского радиотехнического училища. Росточка невысокого. Юркий, с коротким ежиком темных волос, курносый. Сначала он показался вроде бы несерьезным: уж больно шумлив, без конца шутит, без конца улыбается.

— У вас здесь целые Лужники! — непривычно громко сказал он, попав на спортивную площадку, и сделал по нескольку упражнений сначала на перекладине, потом на брусьях. С блеском сделал, чем сразу привлек внимание. Здесь знают толк в таких вещах. Потом забрался с ловкостью акробата по канату до самого верха, похлопал в ладони, потом быстро спустился вниз и набросился с кулаками на боксерский тренировочный мешок, болтавшийся на арче.

Офицеры ждали, что он еще выкинет. Интересно все-таки.

— Ты что, боксер, что ли? — не выдержав, спросил его Комиз.

— Провел два боя на ринге в училище и оба проиграл, — ответил он с подкупающей прямотой, подошел к двухпудовой гире, выжал ее раза три или четыре и сказал, удивленно покачав лобастой головой:

— Что-то, братцы, тяжеловато идет. А? В училище десять раз поднимал запросто. Честно говорю.

Ему объяснили, что на высоте, где они находятся, организму не хватает кислорода.

— Вот оно что, — удивился Новицкий. — Ну что ж, буду втягиваться постепенно. Пусть организм попри-

выкнет, — заявление это прозвучало до смешного серьезно.

Спустя несколько дней на станции вышел из строя гетеродин. Обычно ремонт этого сравнительно сложного прибора поручали опытным офицерам, уже не раз принимавшим участие в профилактических работах. Новицкий, никому ничего не сказав, взялся за дело сам, открыл нишу, вынул гетеродин, разобрал его, заменил лампу. Делал он все уверенно, сноровисто, словно всю жизнь ремонтировал такие приборы. Гетеродин снова заработал.

Скоро всем стало ясно, что первое впечатление было обманчиво. Бывший колхозный прицепщик, а потом тракторист, а потом курсант военного училища, а теперь вот начальник смены — специалист своего дела. И хоть никогда не расстается с шуткой, даже подурачиться может, но дело знает до тонкостей. В свободные же минуты его можно увидеть на спортивной площадке.

Топчиенко назначил Новицкого физруком.

Когда молодые, только что прибывшие на службу солдаты пытались, ссылаясь на особые высокогорные условия, обойти стороной спортивные снаряды, Новицкий им говорил:

— Физкультура в любых условиях повышает тонус человека. На себе проверил. Нам, по много часов просиживающим за экраном индикатора или у планшета, она необходима, как завтраки, обеды и ужины.

Пример самого Новицкого заражает. Теперь редко кто отлынивает от занятий. Некоторые солдаты заинтересовались боксом и уже неплохо владеют перчаткой, другие легкой атлетикой увлеклись.

Позавидуешь упорству Новицкого и в работе. Случается, кто-либо из техников нет-нет да сорвется с общего ритма работы, — не хватает терпения и выдержки. Новицкий же, словно веревками привязанный, сидит, согнувшись, с электрическим паяльником и пинцетом в руках монтирует сопротивления, конденсаторы, ламповые панели. И ни слова не проронит, только все мурлычет себе что-то под нос. Ни за что не уйдет со станции до тех пор, пока не сделает то, что наметил.

...Да, Тимчук твердо знал, что будет говорить командованию.

ЕФРЕЙТОР ЧИГЛИНЦЕВ

Вот уже год прошел с той поры, как солдаты Саша Чиглинцев и Саша Горбачев приехали на высокогорную точку и были направлены во взвод связи, который обеспечивает главным образом пункт управления.

Пункт управления недаром называют сердцем роты. Здесь обрабатывают самые различные данные о воздушной обстановке и передают их на КП части.

Чиглинцев вряд ли забудет тот день, когда он впервые пришел сюда с Горбачевым, пришел как раз в то время, когда шла напряженная боевая работа. Занятые делом, локаторщики даже не обратили внимания на двух рослых широкоплечих парней, еще не привыкших к военной форме, не сумевших «влиться» в нее. А Чиглинцев и Горбачев стояли, прижавшись к стене, и смотрели широко раскрытыми глазами на то, что происходило вокруг.

За столом на дощатом возвышении сидел сухопарый лейтенант в сдвинутой на глаза фуражке и разговаривал сразу по двум телефонам. Он называл какие-то цифры, не отрывая взгляда от огромной топографической карты, нарисованной на матовом стекле, установленном вертикально от пола до потолка в метре от противоположной стены. Несколько позже солдаты узнали, что фамилия лейтенанта — Сыров. Он был оперативным дежурным, разговаривал с оператором радара и с КП части. Огромная карта, освещенная с внутренней стороны лампами дневного света, называлась планшетом радиолокационной разведки. Здесь, как на экране панорамного кино, отображалась вся воздушная обстановка в зоне видимости радиолокационных станций роты. На одной из таких станций им только что перед этим довелось побывать, и теперь они без труда узнали в стоявшем на пункте управления за ширмой индикаторе кругового обзора собрата тех индикаторов, которые видели на станции. Экран этого выносного индикатора светился изнутри мягким палевым светом и на нем отражались электронные тени от находившихся в воздухе самолетов.

По мере полета самолетов «тени» передвигались по

экрану индикатора, одновременно передвигались и черные змейки на огромном вертикальном планшете из стекла.

Рядом со змейками появлялись цифры.

Заметив, что за ним никто не смотрит, Чиглинцев прошел вперед и заглянул за планшет. Он увидел там солдата с наушниками на голове. В одной руке солдат держал ручку с обыкновенным плакатным пером и, макая ее в бутылочку с тушью, подвешенную на проволоке, наносил на планшет линии, которые, как он узнал позже, обозначали курс летящих самолетов.

В комнате оперативного дежурного находился планшет воздушной обстановки. Над ним склонились, опершись локтями на карту, два солдата, на головах у них тоже радионаушники. Солдаты наносили черточки и цифры на блестящую желтоватую кальку.

Чиглинцев и Горбачев стояли, как завороженные, глядя на этих людей, занятых, как поясняли молодым солдатам, проводкой воздушных целей, то есть самолетов, которые в это время летели где-то чуть ли не в околокосмическом пространстве, за сотни километров от точки, где находилась их рота. А назывались эти солдаты планшетистами.

Командир отделения планшетистов сержант Парфенов, к которому прикрепили Чиглинцева и Горбачева, начал объяснять им, для чего служит планшет, что такое азимут и дальность.

Молодые солдаты узнали, что целью здесь для удобства называют любой находящийся в небе самолет, независимо от того, свой он или чужой; что работа планшетиста в первую очередь заключается в том, чтобы принимать от операторов, сидящих у экранов радиолокационных станций, данные о воздушной обстановке в зоне действия этих локаторов и наносить на планшет маршруты целей; что если они хотят быть настоящими планшетистами, то им нужно будет научиться безошибочно анализировать эту самую обстановку: по трем-четырем засечкам, переданным операторами радаров, определять скорость полета цели, ее принадлежность к виду авиации и немедленно докладывать обо всем командиру роты и выше.

Солдаты слушали внимательно, смущенно перегля-

дывались. Они не все поняли из слов Парфенова, но переспрашивать не решились.

— Работа у вас будет очень ответственная, но и почетная тоже, — продолжал командир отделения, подводя солдат к дублирующему «выносному» — так называли индикатор кругового обзора, возле которого «колдовал» оператор. В его обязанности входило вести обнаружение воздушных целей независимо от операторов станций, опознавать их, уточнять координаты, боевые порядки, определять моменты разделения и соединения целей.

— По данным, которые вы передадите на КП, будут принимать решения командиры различных частей противовоздушной обороны. Так что от вас будет зависеть очень многое во время боевой работы.

И сержант Парфенов в тот же день начал учить двух друзей нелегкой профессии планшетиста.

Чиглинцев неумело надел наушники, которые, как оказалось, называют гарнитурой, и услышал сквозь монотонный скребущий шум голос оператора, называющего цифры. Что скрывалось за этими цифрами, ему пока было неясно. Горбачев, конечно, тоже не мог понять, в чем тут дело.

Сержант лукаво улыбнулся, довольный произведенным эффектом. Потом сказал:

— Я тоже, когда впервые надел гарнитуру на уши, мало что понял. И думал, никогда не пойму. Даже испугался, что меня отчислят с пункта управления, пошлют куда-нибудь в хозяйственную часть. А потом, когда разобрался что к чему, увидел, что ничего сложного в нашей работе нет.

Слова Парфенова немного успокоили молодых солдат.

— Начнем с простого. Вы наденьте наушники, возьмите в руки карандаш, а я буду по телефону называть вам координаты полета цели. Дадим ей, сразу же, как и полагается, определенный номер. Вы будете искать эти координаты на карте и отмечать на кальке маршрут цели.

Парфенов объяснил, как нужно пользоваться тушью разных цветов, потом взял телефонную трубку, лежав-

шую на столе оперативного дежурного, и начал называть цифры: 030, 060, 070, 041, 075...

Чиглинцев и Горбачев уже знали, что первая цифра обозначает азимут, то есть угол в градусах, на которые разбита карта, а вторая — дальность, расстояние от работающей радиолокационной станции до полета цели.

Целый час называл сержант цифры, и целый час солдаты наносили маршрут мнимой цели на кальку. В конце занятий голова у них раскалывалась от цифр, в ушах шумело, как после полета на самолете, а пальцы были измазаны тушью.

— Ну, а теперь посмотрим, что у вас тут получилось, — сказал сержант и подошел к планшету.

Солдаты с облегчением сняли сжимавшие голову наушники, с затаенной надеждой посматривали на сержанта. Брови Парфенова вдруг сползли к переносице, он покачал головой:

— Намудрили вы тут! Это от неумения внимательно слушать.

И он стал указывать на допущенные солдатами ошибки.

— Не отчаивайтесь особенно, — сказал он в конце разбора. — Я вначале тоже «мудрил». Научитесь. Главное — было бы желание.

А желание стать отличными планшетистами у молодых солдат было. В тот день они до самого отбоя оставались на пункте управления, наблюдали за работой боевого расчета, оперативного дежурного, оператора выносного индикатора, который помогал штурману по наведению и опознаванию целей, планшетистов, радистов, связистов, долго разглядывали схемы и графики, читали и перечитывали перечень обязанностей планшетиста.

Проснувшись ночью, Чиглинцев натянул на себя гимнастерку и брюки, сунул босые ноги в сапоги (быстро мотать портянки еще не научился) и снова пошел на пункт управления. Хотелось посмотреть, что там делается. Конечно, надо бы и Сашу Горбачева разбудить, да некогда искать его койку в потемках.

К его удивлению, на пункте управления было необычайно тихо. И только, пожалуй, торопливое, слившееся в кузнечный стрекот тиканье часов нарушало покой.

А часы здесь всюду: на столе оперативного дежурного, у радистов, на планшете. Они как бы напоминают о том, что время для радиолокационной роты — это главное.

Окна на пункте управления (словно идет война) задернуты черными светонепроницаемыми шторками. Уже одно это дает определенный настрой и поступкам людей, которые здесь находятся, и разговорам, и чувствам. Впрочем, боевой работы не было, и оперативный дежурный прилег на раскладушке, с головой укрывшись шинелью, из-под которой торчали только сапоги.

Дежурный планшетист, воспользовавшись передышкой, писал письмо, склонившись над горизонтальным планшетом, и шумно вздыхал при этом. Тут же лежала фотография девушки. Ей, наверное, и писал, может, рассказывал о своем житье-бытье. А перед носом у него тоже тикали часы на подставке из ядовито-желтого плексигласа и слегка шумела старенькая, немало повидавшая на своем веку гарнитура с проводами. Она словно жила своей, никому не ведомой жизнью. Но Чиглинцев уже знал: в ней в любую секунду могла прозвучать короткая, как выстрел, команда сверху: «Примите воздух!»

И тогда все здесь пришло бы в движение. Началась бы боевая работа.

За стеклянной перегородкой, словно под звуконепроницаемым колпаком, работал на телеграфном ключе радист. Круглое веснушчатое лицо паренька было необыкновенно сосредоточенно. Он весь ушел в точки и тире и ничего не замечал вокруг.

Постояв немного, Чиглинцев осторожно закрыл за собой дверь и пошел спать.

Занимались с молодыми планшетистами и заместитель командира роты по технической части лейтенант Тимчук, и начальники станций лейтенанты Сыров и Комиз. Занимались и днем, и ночью, даже тогда, когда не работали станции и для всех наступала передышка.

Сначала солдаты учились водить на планшете по одной цели. Когда не стали делать ошибок в проводке, командиры начали давать им по две, а потом и по три цели.

Бывало и нелегко, хотелось спать, в голове гудело от шума, ломило уши, но Чиглинцев и Горбачев не сда-

вались. Все чаще они видели довольные улыбки на лицах своих опекунов.

Проводка реальных целей — тех, что выдавала станция, — оказалась более трудным делом. Здесь уже оператору, который сидел у экрана в темном помещении, два раза некогда было повторять. Ведь цель могла в любой момент произвести маневр. Ответственности прибавилось.

Ну, конечно, первое время работу молодых солдат контролировали командир отделения планшетистов или сам оперативный дежурный. Чуть что — уже поправляют, указывают на ошибки.

А однажды, спустя три месяца, понаблюдав за планшетистами, сличив их проводку с проводкой опытных специалистов, сержант Парфенов сказал:

— Завтра заступаете на боевое дежурство со старшим смены отделения планшетистов. Доверие, сами понимаете, большое. Нужно не подкачать. Иначе... — он не стал договаривать фразы. Да они и сами поняли, что было бы иначе. Ведь не в бирюльки будут играть, придя завтра утром на пункт управления.

Весь вечер Чиглинцев и Горбачев повторяли обязанности планшетиста, потом снова пошли на пункт управления и, воспользовавшись затишьем в работе, устроили один другому «жестокую» проверку.

И вот утром их повели на инструктаж. Они стояли в строю вместе с «кадровыми» локаторщиками. Впервые за все время оперативный дежурный лейтенант Тимчук зачитал им приказ о заступлении на боевое дежурство. И они мысленно повторяли слова этого приказа как присягу, как клятву зорко стоять на страже воздушных границ своей Родины.

День выдался спокойный. Самолетов, которые проходили в зоне обнаружения ротными локаторами, было немного. И планшетисты втайне даже жалели, что попали дежурить не в тот день, когда в истребительном полку с утра до вечера идут полеты: так не терпелось применить свои знания на практике, показать, чему научились.

Лейтенант Тимчук словно отгадал мысли солдат, успокоил:

— Подождите. Еще придется вам попотеть не раз. Это я вам обещаю. Вот пойдут контрольные цели, — тогда проверят, насколько мы бдительны.

Дежурить с лейтенантом Тимчуком интересно, хотя он строг и не любит, если люди болтаются на пункте управления без дела. Нет работы — тренируйся. Он решает все сам, начальству звонит только в крайнем случае. «Если Тимчук дежурит, — говорят внизу, на Большой земле, — нарушений не будет».

И вот Чиглинцев в первое же свое самостоятельное дежурство чуть было не подвел командира.

Это случилось уже ночью. Дежуривший у экрана радиолокационной станции оператор давал на пункт управления сразу четыре скоростных цели. И все четыре Чиглинцев вел на планшете. Трудно пришлось. Оператор был многоопытным специалистом, так и сыпал цифрами. Нужно удержать в памяти, какие цифры к какой цели относятся. И память подвела: одна цель оказалась отмеченной не там, где на самом деле проходила. Как все случилось, Чиглинцев не имел ни малейшего понятия. Это заметил Тимчук. Он, оказывается, следил за работой планшетистов и тут же исправил ошибку. Но солдату от этого не стало легче. Настроение у Чиглинцева сразу упало. Горбачев успокоил друга:

— Не переживай. Увеличим тренировки.

И вот теперь приятели водят несколько целей одновременно. Это уже достижение! Даже не верится, что когда-то не могли управиться с одной.

Командование присвоило им звание ефрейторов. Это звание присваивается в армии только отличным солдатам. Товарищи третьего года службы собираются в запас и подшучивают над планшетистами:

— Ого, в люди выбиваетесь! Теперь вы двенадцатая рука генерала!

Почему двенадцатая? Потому что между званиями ефрейтора и генерала — двенадцать званий. Солдаты знают: это целая пропасть. Но они знают и то, что она преодолима.

Уходит в запас и командир отделения планшетистов сержант Парфенов. Скоро он снова будет гражданским человеком, наверно, вернется к своей прежней профес-

сии. С ним расставаться труднее всего, он столькому научил. Они никогда этого не забудут.

Во взвод связи на смену ушедшим прибывают молодые солдаты Рудольф Артамонов и Николай Цепилов. В общем-то спокойные ребята, покладистые. Артамонов, по мнению Чиглинцева, даже слишком спокоен. И говорит как-то медленно. Может, этому белобрысому парню не интересно на пункте управления? Чиглинцев присматривается к нему повнимательнее. У Артамонова голубые и будто прозрачные глаза. Ресницы белесые, брови тоже. И сам он весь белесый, точно выгоревший на жарком солнце, а щеки, как у Деда Мороза, розовые.

— Откуда ты такой к нам заявился? — спрашивает его Чиглинцев в курилке.

— Родом из Калининской области. Вышний Волочок. Слышал, небось, такой город?

— Как не слышать.

— Ну, а рос в Ленинабаде.

— Теперь понятно, почему ты так выгорел.

Артамонов смеется.

— Ты тоже чернотой не отличаешься.

— Это верно.

Они рассказывают друг другу о себе.

Александр Чиглинцев из Башкирии. После окончания семилетки поступил в геофизическую экспедицию. Конечно, он бы не против был и еще поучиться, но отец серьезно заболел. Пришлось позаботиться о родителях и младших братьях и сестрах.

Вначале взяли его учеником в бригаду плотников. Плотники строили домики для геофизиков, которые на лето уезжали с партиями на разведку земных недр. Как хотелось уехать вместе с ними!

И однажды повезло. Начальник экспедиции включил его в одну из партий. В составе группы из семи человек Чиглинцев отправился на Урал. Искали нефть. Жили в палатках. С утра до позднего вечера были на ногах, лазали по горам.

Приходилось выполнять всякую работу: таскал катушки с проводами, геофизическую линейку, образцы пород, рыл ямы, долбил камень.

Вернулись домой поздней осенью.

А потом Сашу Чиглинцева призвали в армию.

У Артамонова тоже около десяти лет трудового стажа. Работал электрослесарем, слесарем-сантехником, электромонтером.

Чиглинцев говорит с Артамоновым покровительственно, даже хлопает его по плечу. Мол, привыкнете к нашим горным условиям, все будет хорошо! Да и как же иначе он может разговаривать теперь с зеленым солдатом, когда сам старшина уважительно разговаривает с ним, Чиглинцевым. Ведь что там ни говори, а Чиглинцев, можно сказать, левая рука старшины во всех хозяйственно-ремонтных работах. Почему левая? Да потому что правой рукой у старшины жена. За глаза ее зовут в роте «старшинихой». Полная женщина с круглым лоснящимся лицом, она ходит за мужем по пятам. Зайдут солдаты в каптерку — сидит там, помогает старшине перебирать снаряжение, ремонтировать худое. Он пришивает на машинке заплаты к порванным гимнастеркам (для хозяйственных работ и такие бывают нужны), она тоже что-то копается в ящиках, наводит порядок на стеллажах. Волосы у нее зачесаны назад и собраны на затылке в узелок. Глаза серые, небольшие, с лукавинкой. Они все замечают за солдатами, и лучше не показываться старшинихе, если одет не по форме. Скажет старшине, и тогда жди взбучки от самого. Да и она может отчитать за милую душу.

Но несмотря на сварливый характер старшинихи, солдаты ее уважают: она делает для всех большое дело — стирает белье, простыни, рубашки. А это нелегко, если учесть, что наверху всегда недостает воды, что с сушкой здесь тоже целая морока, хотя солнце и жаркое: ветер срывает белье и уносит в овраг...

Чиглинцеву явно приглянулся Артамонов, он хотел бы взять его к себе на выучку, как когда-то брали его самого. Но пока рано об этом еще заботиться, пока он с Горбачевым смотрит, как солдаты третьего года службы обучают этих самых новичков. Со стороны смотреть, оно, конечно, проще. Глядя, как путаются новички, теряются, не дослышав оператора, он вспоминает свою «молодость». Ему даже не верится, что они с Горбачевым тоже были когда-то такими же неопытными, как эти первогодки, не умели провести без ошибки даже одну цель.

СОЛДАТ СТЕРНИЦКИЙ

Анатолий родился в тот самый день, когда погиб на фронте его отец. Отец был минером. Товарищи отца сообщили матери, что он погиб геройски. Позже сын читал эти письма, написанные на обрывках серой бумаги под грохот орудийной канонады. В них рассказывалось о кровопролитных боях с фашистами. И тогда он тоже решил стать минером. Но вышло все иначе. Впрочем, сын не особенно тужит, что так вышло. Времена меняются, а значит, меняется и отношение армии к военным специальностям. Его военная специальность сейчас не менее важная.

Жил он до армии с матерью и старшим братом в городе Боярка, под Киевом. Это легендарный город. Здесь работал Николай Островский в самые трудные для страны годы. Анатолий при случае всегда готов рассказать об этому товарищам.

Анатолию скорее хотелось встать на собственные ноги, быть самостоятельным, и поэтому он сразу, как только получил паспорт, пошел работать. Тяжело было, конечно, рано вставать, целый день работать на заводе. Но со временем привык к этому.

Он стал фрезеровщиком. А в свободное время ходил в заводской клуб к знакомому киномеханику, который увлекался радиоделом, помогал ему собирать усилители мощности для радиоприемников. Стерницкий научился разбираться в сопротивлениях, конденсаторах и других деталях, без которых нельзя собрать ни один приемник.

И захотелось ему стать радиомехаником. Даже решил перейти на Киевский радиозавод. Не взяли. Не хватило образования. Было обидно. Тогда он и пожалел, что бросил учиться. Попробовал поступить в вечернюю школу, но поучился недолго: призвали в армию.

И вот тут-то судьба, что называется, улыбнулась Стерницкому. Он попал в радиолокационные войска. Когда его спросили, кем он хочет быть, он не задумываясь ответил: оператором радара. Работа оператора связана с радиотехникой, здесь нужно знать и приемник, и передатчик, и многое другое.

При распределении молодых солдат по учебным взводам, где все должны были ознакомиться с азами техники и приобрести первые навыки работы на ней, заместитель командира по политической части капитан Коиев спросил:

— Кто знаком с работой киномеханика?

Отозвалось несколько человек, в том числе и Стерницкий.

Спустя некоторое время замполит вызвал его к себе в кабинет и сказал:

— Ну вот что, Стерницкий. Будешь сдавать на права киномеханика.

— А как же радиодело?

— Одно другому не помешает. Солдату приходится заниматься разными делами. Каждый должен владеть одной или двумя смежными профессиями. И так оно и есть у нас на самом деле. Это называется взаимозаменяемостью.

Стерницкому не нужно было объяснять, зачем она нужна, эта взаимозаменяемость. Он все прекрасно понял.

Капитан дал Стерницкому книги для подготовки к экзаменам.

Через месяц солдат получил удостоверение киномеханика второй категории, и его направили служить в высокогорную радиолокационную роту.

Приехал он как раз в день Советской Армии и привез с собой кинокартину. Здесь уже давно не показывали кино, с тех пор, как старый киномеханик уволился в запас.

Лучшего места для службы Стерницкий и придумать не мог. Кругом горы, а раньше он видел их только на экране в кино. Если погода портится, то облака, бывает, плывут ниже военного городка. И граница рядом. А служить на границе вдвойне почетно.

Здесь Стерницкий снова встретился с товарищами, с которыми подружился еще в войсковом приемнике. Рудик Артамонов уже стал планшетистом, а земляк Стерницкого Ваня Гопкало — электромехаником. Появилось в их манерах, разговоре что-то от бывалых солдат.

— Я уже вожу по три цели, — как о чем-то само собой разумеющемся рассказывает другу Рудик. — На-

значают на боевое дежурство. В общем, служба идет, как и положено.

— Нравится?

— Сначала не нравилось. Идти на пункт управления — что нож острый. Слишком там интеллигентная обстановка. Головой думать приходится. Но потом командир отделения Пухно познакомил меня с другими специальностями, и я увидел, что везде нужна голова. И терпение везде нужно. Так что одно на другое менять — только время терять. Сейчас я лучшей работы и не представляю. Ведь что там ни говори, а приходится руководить работой оператора.

— А я уже самостоятельно дежурил на электростанции во время боевой работы, — хвастает Ваня.

Ну, а Стерницкому пока нечем особенно хвалиться. Киномеханик — эко дело. Самая что ни на есть мирная специальность. Если рассказать на гражданке, что служил в кинобудке, — засмеют.

Друзья знакомят Стерницкого с городком (чтобы обойти его весь, хватает десяти минут). Старшина Губанов определяет новичку место в казарме рядом с койкой оператора третьего класса ефрейтора Никитина.

На другой день на утреннем построении командир роты лейтенант Тимчук назначает Стерницкого оператором в расчет радиолокационной станции «Дозор», где начальником лейтенант Сыров.

Стерницкий доволен. И потому, что придется иметь дело с радиотехникой, и потому, что командиром отделения у него сержант Родин, который был командиром в войсковом приемнике.

Комсомолец Егор Родин, как и Артамонов, тоже окончил горно-промышленное училище, а потом целых пять лет работал машинистом подземного электровоза на шахте. Может, оттого, что ему частенько там приходилось пригибаться, он кажется чуточку сутуловатым.

В армии, закончив школу младших специалистов, Родин стал оператором.

Сержант Родин — командир строгий, терпеть не может разболтанности в солдатах. Там, в войсковом приемнике, он то и дело повторял Стерницкому, как в армии нужно служить.

— Чем дольше вы, Стерницкий, будете увиливать от занятий и работы, тем больше и чаще вас будут посы-

лать на работу, чтобы научить. Это же как дважды два—четыре, — говорил Родин, поставив солдата перед строем.

Стерницкий иногда не выдерживал и начинал пререкаться, скорее из чувства протеста. Терпеть не мог, когда его вот так учили жить. Ему казалось, что о жизни он сам имел некоторое представление. Не маленький. И все-таки Егора Родина он уважал. За то, что тот был справедлив, в часы отдыха вел себя, что называется, по-свойски. Мог и поговорить по душам, и пошутить. Анатолий был уверен, если бы ему потребовалась какая-то помощь или услуга, Родин не оставил бы его в трудную минуту.

Стерницкий не знал, что говорил Родин лейтенанту Сырову, но лейтенант отнесся к нему с должным уважением и даже сказал, что в скорости будет посылать на боевое дежурство третьим оператором. Значит, Стерницкий не ошибся в Родине.

Лейтенант Сыров тоже понравился Стерницкому. Высокий, худой. Лицо строгое, а глаза добрые. А главное, он держится просто, как равный с равным, не то, что, например, старшина. Любит Стерницкий, когда с ним разговаривают по-человечески. Разве ж он не понимает, что такое хорошо и что такое плохо.

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИРОВ

Комсомольская организация части занимала первое место в соединении по боевой подготовке.

Секретарем комитета комсомола в батальоне, куда входила и высокогорная рота, был лейтенант Владимиров. Но в душе Владимиров считал себя техником и мечтал работать на технике. Как-никак, а он окончил Краснознаменное радиотехническое училище войск ПВО страны. И окончил с отличием. Стал специалистом по ремонту и эксплуатации радиотехнических устройств. Владимирову очень хотелось работать на радиолокационной станции.

Он так об этом и сказал командиру батальона май-

ору Шамалюку при далеко не первом разговоре на эту тему.

Шамалюк обещал удовлетворить просьбу лейтенанта.

И вот однажды Геннадию Владимирову позвонили из строевого отдела части и предолжили работать в отдельной высокогорной роте.

Лейтенант уже бывал в ней по комсомольским делам. Честно говоря, место ему тогда не понравилось.

«Как только люди могут жить на таком маленьком пятачке? — думал он. — Ни одного человека вокруг. До ближайшей пограничной заставы добрый десяток километров».

Эта площадка представлялась Владимирову «летающим блюдцем», повисшим над необитаемой планетой. Сравнение пришло ему на ум рано утром, когда солнце только-только поднялось из-за хребта и от гор падали резкие неземные тени. Впрочем, нет! На летающем блюдце можно было бы увидеть что-нибудь еще, кроме этих, застывших навсегда каменных нагромождений, где глазу уже известна каждая сопка, каждая расщелина.

Сначала Владимирова раздражали частые и резкие перемены погоды. Утром тепло и тихо. Горячее солнце заставляет всех сбросить шинели, а то и гимнастерки, затем вдруг набегает ветер, и яркое, ослепительно голубое небо начинает застилать сероватой хмарью. Сразу же свежеет, а через некоторое время уже скрываются из виду горы на горизонте, потом и те, что подступают к площадке. Она становится похожей на островок, плавающий в белом, как молоко, тумане. Ветер выхватывает из него отдельные хлопья и гонит вдоль «улицы». Никогда раньше лейтенанту не приходилось видеть бегущих по земле облаков. Когда они высоко — кажется, что ползут медленно. Но здесь, в горах, облака проносятся с ураганной скоростью и похожи на огромные белые дирижабли. Кажется, стоит войти в них — и полетишь...

Дорожки темнеют от сырости, по стеклам окон ползут серебристые струйки. А с крыльев антенны стекают настоящие ручьи.

И снова нужно надевать тужурки, шинели, хотя и в них пробирает до костей.

А то вдруг снег запушит. В двух шагах ничего не

видно. И ветер иоровит свалить с ног. В трубах воет, как стая голодиых волков.

Одиако погода — это одно. А люди — другое. Люди здесь Владимирову поиравились. Дружиый, сплочеиный коллектив, ие избаловаиный, так сказать, благами цивилизации... Соберутся вечером в столовой или в казарме у пышащей жаром печки будто одна большая семья. И заботы у всех одни, и желаиия, и думы.

К тому же в горах служйли офицеры, с которыми Владимиров учился в Красиоярске: Слава Новицкий, Гриша Дюбии. Оии уже были здесь старожилами, работали иачальниками смеи иа радиолокациоииых стаициях.

Новицкий ничуть не изменился. Такой же подвижный, беспрестанно чем-то заият, что-то крутит в руках. В училище Владимиров звал его «живчиком».

И Гриша Дюбин тоже не измеиился, даже фуражку носит так же— с форсом, чуть сдвииув иа затылок, чтобы виднелась роскошная шевелюра. Ои всегда улыбается и похож на милого пария из лирической кинокомедии.

— Коиечно, приезжай к иам, — говорил Новицкий, узнав, что Владимирову предложили это место. — Работы у иас, Геиа, много. Быстро вспомиишь забытое. Мы поможем. Да и климат у иас подходящий. Летом ие так жарко, как виизу. А солице, которое ты так любишь, даже ближе к нам. Здесь солиечные лучи можно поглощать вместе с хлебом. И в иеограиичеином количестве.

Ну, а о зиме Вячеслав Новицкий предусмотрительно промолчал. Только зима Владимирова не особеино страшила. Ои ведь три года проучился в Красиоярске и знал, что такое сибирские морозы и сиежиые метели.

— Охота у иас хорошая! — продолжал расхваливать свои места Новицкий. — Есть гориые козлы, кабаиы, зайцы и дикие курочки. А для таких, как ты, любителей острых ощущений в наших горах специальио водятся барсы. Подумай: витязь Владимиров в барсовой шкуре! Звучит? — Новицкий ие мог обойтись без шуточек. Он еще не преминул заметить, что баки Владимирову придется сбрить, потому что пленять ими здесь некого. Девчат нет, а командир ие любит подобного рода атрибуты у офицеров.

Но у Владимирова сегодня хорошее настроение, и он не придает значения последним словам Новицкого.

С замполитом роты Николаем Коваленко лейтенант Владимиров тоже был хорошо знаком. Дело в том, что Коваленко недавно стал здесь замполитом, а до этого работал оперативным дежурным батальона и возглавлял партийную организацию. Владимирову как комсомольскому секретарю частенько приходилось обращаться к Коваленко за помощью или советом. Партийный секретарь всегда внимательно относился к просьбам Владимирова. Иногда, случалось, и ругал, как он говорил, за недостаточную чуткость к нуждам и запросам комсомольцев, за игнорирование индивидуальной работы с подчиненными.

А Владимиров считал, что армия — не приют для воспитания лоботрясов. В армии должны служить уже сформировавшиеся люди. Их нужно только научить военному делу.

Критиковал Коваленко всегда очень тактично. У него спокойный, несколько монотонный голос, даже когда он повышает его.

— Скажу тебе по-дружески,—начинал он задумчиво, стесняясь при этом глядеть в глаза, — сейчас буду тебя ругать. — И в этой присказке заключалась вся его ругань.

Приходилось Владимирову бывать у лейтенанта Коваленко и дома. Знает он жену замполита, Валю. В ней есть что-то от мальчишки. Короткая прическа, прямая челка на крутом лбу, круглые, всегда будто удивленные глаза. Николай и Валя были гостеприимными хозяевами. Они, как могли, опекали его, удерживали от неразумных холостяцких поступков.

Владимиров узнал, что Коваленко и Валя учились в одной школе, дружили. Когда Николай уехал на службу — переписывались. Она даже приезжала в училище на выпускной вечер.

А потом, когда лейтенанта Коваленко направили на южную границу, они поженились.

Здесь у них родилась Аленка, любимица всех солдат высокогорной роты.

На новое место службы Владимиров приехал в начале лета. Внизу уже было тепло, ходили без шинелей, играли в волейбол и даже загорали. А здесь «свиреп-

ствовал» пятиградусный мороз с ветрами и замерзала вода в умывальнике.

Владимирова поселили к холостякам, в одной из комнат офицерского домика, стоявшего на отшибе. В комнате три окна, три кровати, застланных зелеными солдатскими одеялами. Шифоньер, тумбочки с книгами. Приемник, магнитофон. А Владимиров всегда любил музыку. Любил танцы. Здесь, конечно, танцевать не придется. Он это понимает. Ну что ж, он обойдется и без танцев.

Старший по комнате Новицкий тотчас же вписывает его фамилию в график уборки помещения и этим как бы дает прописку на право жительства.

На другой день у Владимирова состоялась беседа с командиром роты Тимчуком.

Беседа была довольно своеобразной и неожиданной для Владимирова. Сначала Тимчук задавал обычные «анкетные» вопросы.

Владимиров рассказал о себе, о том, как жил до армии в родном Бресте, как мечтал стать офицером, специалистом по радарам.

Потом Тимчук развернул перед лейтенантом радиосхему и попросил рассказать о ней все, что он знает. Владимиров начал бодро, но потом раз запнулся и два, и три...

Тимчук подумал и задал еще один вопрос из области практического использования одного из агрегатов. Владимиров ответил.

После такого рода экзамена командир роты сказал:

— Будете работать. Но пробелы нужно ликвидировать. Срочно. Через недельку-полторы еще поговорим на эту тему.

Владимирова определили в расчет радиолокационной станции лейтенанта Комиза.

Двухлетний перерыв в работе с техникой не прошел бесследно. Кое-что забылось. Владимиров начинает с повторения принципиальных схем радиолокационных станций. Днями сидит в классе и вспоминает физические процессы работы отдельных узлов станции, настраивает аппаратуру во время профилактических работ, а вечерами после отбоя читает учебники или старые конспекты Новицкого.

Наконец и в горы пришла весна. Склоны гор запе-

стрели цветами. Нигде Владимиров не видел такого обилия красного и оранжевого цвета. Тюльпаны и маки растут всюду.

Лейтенант Комиз уехал на сборы по подготовке к экзаменам в радиотехническую академию.

Новицкий в последние недели тоже не расставался с книгами по радиолокационной технике, даже за обедом читал. Ему нужно было изучить станцию другого типа. Много занимался он и на материальной части. Как того и хотел командир роты, он стал работать вместо лейтенанта Тимчука заместителем командира роты по технической части. Растут люди. Это и Владимирова воодушевляет. Значит, и он не будет стоять на месте. А пока ему хочется скорее наверстать упущенное, догнать своих товарищей.

Командовать взводом связи приехал новый офицер комсомолец, старший лейтенант Суслопаров. Он самый старший по возрасту в роте. И его все офицеры зовут не иначе, как Анатоль Терентич. Ходит в летной форме, потому что до этого служил в батальоне обеспечения при каком-то авиационном НИИ. Владимиров в шутку называет его «летноподпрыгивающим составом». Суслопаров не обижается. Он вообще оказался покладистым парнем. Избегает острых тем в разговоре, чтобы не спорить.

Дел на станции невпроворот. Новицкий не обманывал. Начались годовые регламентные, то есть профилактические работы. За несколько дней нужно заменить все подносившиеся детали в узлах станции, а то и просто выработавшие свой срок. Они могли выйти из строя в самую неподходящую минуту. Кроме того, нужно было тщательно отрегулировать автоматику, прочистить аппаратуру и сменить смазку на всех трущихся механизмах, настроить приемно-передающую и индикаторную аппаратуру.

За работу берется весь расчет. С утра до вечера солдаты не выходят из машин, проверяют один узел за другим.

Начальника станции Комиза замещает лейтенант Янковский. Владимиров приглядывается к нему. Да, это, конечно, не то, что Комиз. Технику Янковский знает в общем-то неплохо, в этом Владимиров уже убедился, умеет быстро найти неисправность, но самостоятель-

ные решения пока еще боится принимать. Чуть что, снимает трубку и начинает консультироваться с начальством. У него, как видно, маловато уверенности в своих силах. Впрочем, Янковского оперативные дежурные части ставят даже в пример и чаще всего оценивают боевую работу пункта управления во время дежурства Янковского на «отлично». Но Владимирова вечные его консультации с начальством раздражают. Он стремится сам принимать решения. Хорошо это или плохо — покажет будущее.

В конце регламентных работ операторы Вафаев и Бахарев, вставляя центробежные реле защиты, спросили Владимирова, правильно ли они это делают. Он, как это ни грустно, не знал точно, как нужно их вставлять, замялся, отводя глаза в сторону. Ему не хотелось спрашивать у Янковского. И он вдруг сказал, что они делают все правильно, беспокоиться нет смысла.

Локаторщики настроили станцию, и Янковский доложил командиру роты о досрочном завершении регламентных работ.

Их похвалили на утреннем построении. Поставили в пример. Это было лестно. Владимиров смотрел на Янковского как победитель на побежденного, хотя работали они вместе.

Спустя некоторое время Янковский тоже уехал в отпуск, в Прибалтику. Владимиров остался один — и за начальника станции, и за начальников смен. Один в трех лицах. Он чувствовал себя хозяином положения и хотел как-то отличиться. Но как?

В первую очередь он решил подтянуть дисциплину в расчете, которая, как ему казалось, при Комизе и Янковском была не на высоте. Солдаты не всегда действовали по-уставному.

На следующий день Владимиров пришел на станцию пораньше, до развода.

Дежурная смена сидит в индикаторной, его появления никто не заметил, никто не встал, чтобы поприветствовать офицера.

Лейтенант хмурит брови.

— Старший смены!

Поднимается рядовой Иванидзе.

Иванидзе хороший парень. Владимиров его уважал, считал, что из него получился бы отличный офи-

цер. Иванидзе — единственный в роте грузин. Говорят, грузины вспыльчивы, но за Иванидзе Владимиров этого не замечал.

— Виноват, товарищ лейтенант, — говорит он.

Лейтенанту бы смягчиться, после того как солдат извинился, простить оператора, а он пошел, что называется, «в разнос». Уж больно горяч по натуре, не научился сдерживать эмоции.

— Вы что, первый год служите?!

Солдаты нахмурились, сопят, одергивают гимнастерки.

Остановиться Владимиров уже не может. И, покричав еще, уходит на развод.

В строю «переваривает» происшедшее, даже не слышит, что говорит командир. В голове появляется запоздалая мысль: «Неправильно все-таки поступил. Не нужно было кричать. Так авторитет свой не поднимают. Ну и пусть неправильно,— перебивает себя.— Не буду же я извиняться перед солдатами!..»

С этого, наверно, все и пошло.

Дисциплину он в расчете вроде бы поднял. Видит: побаиваются его, по струнке вытягиваются, когда входит. Но вряд ли стали уважать больше, относятся настороженно, не откровенничают с ним, как бывало раньше.

Владимиров не любит признаваться в промахах. Даже перед самим собой. Считает, что он прав. Он в конце концов командир, и один. Он обязан требовать. А они подчиненные, и их много. Они обязаны подчиняться, выполнять Дисциплинарный устав.

Станция работает хорошо, уверенно водит сверхдальние цели. Владимиров довольно потирает руки.

Во время недельных регламентных работ с настройкой станции он тоже справился. Ну что же, иного он и не мыслил себе. Хотя иногда и мечтал, как в ответственный момент возникнет неисправность, операторы все растеряются, а ему будет достаточно одного взгляда, чтобы понять причину неисправности и быстро ее устранить.

Вскоре так и случилось. За исключением, впрочем, того, что понять неисправность «с первого взгляда» и быстро ее устранить ему не удается.

И он копается, копается, вспоминая премудрости радиолокационной науки. За спиной стоят подчиненные. Лучше бы их здесь все-таки не было.

Хорошо еще, что поломка произошла, когда боевое дежурство велось на другой станции.

А причина поломки оказалась в общем-то довольно простой: вышел из строя второй канал и виной тому были центробежные реле, те самые... Их, оказывается, Вафаев и Бахарев вставили неправильно: они не шли на место, а их забивали, и в результате реле треснули.

Наконец, он все исправляет. Но на душе кошки скребут... И какой-то внутренний голос укоряет: вот до чего довела тебя, лейтенант, твоя гордость.

Он идет обедать и чувствует на своем затылке укоризненные взгляды рядовых Вафаева и Бахарева. Ему хочется даже пригнуться в эту минуту.

СОЛДАТ СТЕРНИЦКИЙ

Сегодня он впервые в индикаторной. Темно (окна завешаны шторками). Монотонно гудят вентиляторы обдува кабины и охлаждения аппаратуры. Светятся разными цветами контрольно-измерительные приборы и лампочки в шкафах с блоками, где смонтированы экраны величиной с большое блюдо.

Стерницкий привыкает к темноте, видит множество различных ручек настройки, тумблеров и переключателей, приборов. Невольно думает: этого мне хватит учить на всю жизнь и не выучить.

За одним из светло-оранжевых экранов, отгородившись своей широкой спиной от всех, сидит старший смены сержант Родин, за другим ефрейтор Никитин.

Стерницкий видит, как медленно ползет по экрану светлая черта, будто секундная стрелка по огромному циферблату. Но эта стрелка—волшебная. После нее на экране хорошо высвечиваются градусная сетка и разной величины белые точки.

Солдат вглядывается в экран, чтобы увидеть на нем самолет. Но самолета почему-то не видно.

Между тем оператор Никитин спокойным, хорошо поставленным голосом передает в микрофон:

— Цель номер двадцать. Азимут триста пятьдесят. Дальность сто. Цель номер девятнадцать. Азимут девяносто. Удаление триста.

У Стерницкого даже мурашки по телу пробежали.

— Где же самолет? — спрашивает он у начальника станции лейтенанта Сырова. — Одни только белые комарики.

Операторы, что сидят у экранов, смеются.

— Вот эти точки и есть самолеты, — говорит Родин, шикнув на операторов.

— Но почему же они стоят на месте?

— А ты присмотрись хорошенько к каждой из них и тогда увидишь, что они все-таки двигаются. Только очень медленно. Ведь на этих экранах отображено очень большое воздушное пространство. Когда ты летишь на самолете и смотришь вниз, то тебе тоже кажется, что стоишь на месте, а предметы на земле представляются маленькими. Так и тут.

Стерницкого сажают на крутящийся стул у одного из экранов, и лейтенант Сыров рассказывает, где и как искать цель. Голос у него тихий, спокойный, неторопливый. Так говорят уверенные в себе люди, которые давно ко всему привыкли и ничему не удивляются.

Через полчаса Стерницкий уже имеет некоторое представление о ползающей по экрану полосе, которая называется разверткой, и о том, как отображаются на экране цели и местные предметы. Он теперь знает, что один полный оборот развертки по экрану равен обороту антенны локатора, излучающей электромагнитные волны высокой частоты.

Он сидит за экраном целых два часа. С непривычки от напряжения устали глаза, голова разболелась. А ведь опытным операторам приходится, как ему сказали, сидеть в затемненном душноватом помещении по несколько часов подряд. Но все-таки он доволен. Кое-что ему стало известно. Он знает, например, теперь, что, кроме индикатора кругового обзора, есть еще и другие индикаторы: «азимут—дальность», измерение высоты, есть пульт дистанционного управления станцией. Види-

мо, можно рассчитывать на то, что он в конце концов освоит все премудрости.

В тот же день Стерницкому выдают учебники по электро- и радиотехнике, по основам радиолокации.

Не без робости берет он их в руки. Думал, обойдется практикой, но не тут-то было. Значит, нужно снова засесть за книги. А ведь уже три года прошло, как он бросил школу. Многое забылось, и теперь приходится начинать все сначала. Вот когда он по-настоящему пожалел, что не учился на гражданке...

Занятия с молодыми операторами проводят лейтенанты Сыров и Дюбин. Солдаты учатся включать и выключать станцию, производить простейшую настройку, запоминают названия блоков, которые «нафаршированы» всевозможным электрорадио- и радиолокационным оборудованием.

К концу дня в голове у Стерницкого настоящий винегрет. И он боится, что не сможет отличить прибор контроля питания аппаратуры от прибора контроля излучения электромагнитной энергии в пространство. Не уверен он и в том, что разберется в многочисленных лампочках, которые сигнализируют о включении высокого напряжения, о нормальной работе приемной и запросной аппаратуры и о многом другом. И он снова скисает.

— Может, попроситься в мотористы? — говорит Стерницкий своему дружку планшетисту Артамонову.— А радиоделом займусь на досуге.

— Мне тоже вначале все было в диковинку, — успокаивает приятеля Артамонов. — А сейчас, как видишь, сам вожу цели. Не отчаивайся. Не боги горшки обжигают.

Вечером Стерницкий уже еле держится на ногах.

Но ложиться спать можно только в положенное время.

Он идет в Ленинскую комнату и некоторое время рассматривает стенды с обязательствами роты, с материалами партийных пленумов, с фотографиями отличников и классных специалистов. «А что, если когда-нибудь и мою фамилию запишут сюда?» — думает он и усмехается: придет же такое в голову.

Потом он читает грамоты, для которых оборудована специальная витрина. Грамот много: роту награждали

и за хорошую организацию художественной самодеятельности, и за активную работу совета Ленинской комнаты, и за образцовую культурно-массовую работу.

О грамотах ему даже хочется написать домой. Но писать — значит хвалиться чужими победами.

И все-таки он садится за письма. Сначала пишет матери. Сообщает ей, что служба идет хорошо. Но на самом деле ему еще никогда не было так тяжело, как здесь. Даже работа на заводе, где он тоже очень уставал, теперь кажется раем.

Написал письмо и девушке. Ее зовут Нина. Они познакомились незадолго до армии, в Боярке. Она учится в техникуме. С ней всегда было легко Веселая. Понимала его с полуслова. Как бы ему хотелось, чтобы она в эту минуту была здесь. Поговорить бы сейчас с ней по душам.

Но Нина далеко. И он не рассказывает ей о своих трудностях. Он пишет ей, что служит на самой границе, что служба ему нравится, учеба дается легко. Скоро приобретет новую военную специальность.

Над последними строками письма он уже совсем спит. Сев на свою кровать, кладет голову на тощую жестковатую подушку. Засыпает в ту же секунду. Ему снится Нина. Они сидят у индикатора кругового обзора и он показывает ей, как нужно искать на экране самолеты.

Стерницкого будит старшина роты Губанов. Он не понравился солдату с первого дня службы. Придирчивый. Честь отдал неправильно — велит пройти десять раз перед зеркалом и отдать честь своему отражению. Разве это не унизительно?! Пройдешь грязными сапогами по полу — бери щетку и натирай. «И кто только выдумал этих старшин, — думает Стерницкий. — Была бы моя воля, я бы разрешил солдатам в личное время делать все, что они хотят. Жалко, что ли?».

— Спать до отбоя не разрешается, — качает головой старшина.

Но как только он уходит, Стерницкий снова засыпает. Даже не замечает, как это происходит.

И опять старшина будит его. Только смотрит уже строго, недовольно.

— Что же вы, рядовой Стерницкий, не выполняете распорядок дня?

— А разве я не имею права чуть-чуть подремать? — вздыхает Стерницкий. — Кому от этого плохо?

— Не имеете. На то отведено другое время.

— Неужели в личное время я не могу заняться чем хочу? Это просто несправедливо.

— Встаньте, когда с вами разговаривает старшина.

Стерницкий нехотя поднимается.

— За пререкания с командиром объявляю вам наряд вне очереди. Придет после отбоя машина, будете разгружать продукты для столовой.

И пришлось Стерницкому разгружать продукты. Он таскал на склад мешки с картошкой и думал: как хорошо начался день. Сидел в индикаторной, смотрел за полетом целей. Кое-чему даже научился. Потом занимался в классе. Все было спокойно, никто не кричал. Потом писал письма домой. Но старшина все испортил...

С этими мыслями солдат, наконец, идет в казарму, где уже спят его товарищи, ложится на свою койку и сразу будто в яму проваливается. И ничего уже больше не снится ему.

ЛЕЙТЕНАНТ ТИМЧУК

Дежурный по роте дает команду «Отбой». В казарме теперь горит только ночной синий свет. Все затихает. Уставшие за день солдаты быстро засыпают. Ведь никогда точно никто не знает, сколько сегодня удастся поспать.

Да, солдатский труд нелегкий. В любое время солдата могут поднять по тревоге. И будет он работать до тех пор, пока не прозвучит команда «Отбой». А ведь команды может не быть долго, очень долго. Но ничего не сделаешь — такова военная служба.

Тимчук проходит между узкими двухэтажными койками. Дежурный неслышно следует за ним, кое-где поправляет сложенное на табуретках обмундирование, сапоги.

На какое-то мгновение командир останавливается около койки рядового Стерницкого. Кажется, он и в

темиоте видит его худощавое мальчишеское лицо и вопросительио глядящие глаза с характериым прищуром.

Лейтеиаит знает: Стерницкий еще долго не усиет, будет ворочаться с боку иа бок, думать свою солдатскую думу и, возможио, даже обижаться на кого-то...

Это одии из трудных солдат. Такие, как Стериицкий, иелегко привыкают к службе в армии. Им все кажется, что к иим несправедливо относятся, «зажимают», недооцеиивают.

Тимчук проходит дальше, потом возвращается в каицелярию. Мысли его по-прежиему обращеиы к Стериицкому. Ведь он земляк Тимчука. Киевляиии. С товарищами держится иногда свысока — считает себя развитым... Любит разводить философию о превратиостях жизии, о том, что одиим везет, а другим иет. А в сущиости, виутрение не оргаиизоваи, ие терпит чьей-то власти иад собой, и в итоге «зарывается». Его ставят иа место, и тогда ои говорит всем, что мир полои иесправедливостей.

У Стериицкого, как, впрочем, и у многих в роте, было трудиое детство. Отец погиб на фроите. На руках у матери осталось двое грудиых детей. Пришлось пережить и холод, и голод. С шестиадцати лет Аиатолий уже иа заводе. Работал до самой армии. Считал себя самостоятельиым, распоряжался собой, как хотел.

Кажется, Тимчук все о нем зиает — о его трудном детстве, о жизиеиих испытаииях, раио выпавших на долю юиоши.

Но почему же тогда не может ои найти дорожку к сердцу солдата? Хотя бы узенькую тропочку. Вот и сегодия утром пришлось поругать его перед строем за пижоиски заправлеииую под ремеиь гимнастерку, за неподшитый подворотиичок. Стериицкий, как всегда, обиделся, замкиулся.

Тимчук пригласил его в каицелярию, посадил прямо перед собой, хотел поговорить с ним откровеиио. Но разговора ие получилось. Самолюбивый пареиь. Не поиравилось, что утром командир отчитал его при всех.

А ведь еще мальчишка мальчишкой, только губы ие по годам жесткие и глаза с каким-то иепоиятиым прищуром. Так смотрят только люди, миого повидавшие на своем веку.

«Ну что ж, видимо, мало я его знаю, — думает

командир роты. — И вообще, наверно, не умею еще разбираться в человеческих характерах. В военном училище больше на технику налегали, на уставы».

Тимчук решает поговорить с командиром отделения сержантом Родиным. И делает для себя пометку в календаре. Стоит посоветоваться с комсомольцами, с начальником станции лейтенантом Сыровым, с замполитом Коваленко.

Тимчук, конечно, знает, что Стерницкого не оставят без внимания. И в первую очередь поможет солдату «найти себя» Коваленко. У него чуть ли не каждый день какие-нибудь идеи появляются. Сам ли придумает, вычитает ли в газете, или по радио услышит — и вот уж, глядишь, что-то там организовывает.

Тимчук вспомнил только что посланный в часть отчет о формах и методах партийно-массовой работы.

В нем рассказывалось и о регулярных политзанятиях в группах, и о социалистическом соревновании, и о кружке молодого коммуниста для подготовки комсомольцев в партию, и о ретрансляционной линии, которая дает возможность солдатам слушать по радио последние известия и передачи «Маяка». Все это, конечно же, расшевелило людей. И они меняются просто на глазах. Взять хотя бы солдата Владимира Колбина. Он прибыл в роту вместе с Чиглинцевым и Горбачевым на год раньше Стерницкого. Неказистый такой, хлипкий, с ежиком пепельных волос. Большеротый, губастый. И очень тихий. Ничего его будто и не интересовало. Ни товарищи, ни техника, ни горы. Жил только письмами от матери. Плакал украдкой над ними. Даже совестно за него делалось. Солдат — и вдруг слезы. В какой-то степени это было понятно: паренек рос без отца, даже не видел его ни разу, потому что родился, когда отец был в армии, воевал с фашистами. А потом отец погиб в бою в самом конце войны.

Мать всю жизнь проработала в колхозе. На ее попечении были близнецы Вова и Нина и престарелая мать мужа. Нина умерла в сорок пятом за три дня до смерти отца. Вскоре после этого мать тяжело заболела. Вова стал, что называется, кормильцем семьи, работал тоже в колхозе. Так они и жили втроем—тихо, скромно, в маленьком домике в селе Беланово в Башкирии. Мать

иногда рассказывала об отце, какой он был смирный да спокойный. Никого за всю жизнь не обидел. Не пил, не курил. Она хотела, чтобы и единственный сынок был таким же. И Вова был таким.

«Может, и сейчас жили бы спокойно втроем, если бы Владимира не призвали в армию», — думает Тимчук.

Колбина поставили вначале оператором на радиолокационную станцию. Однако вскоре увидели: не лежит у него душа к этому делу. Не пытается он, как другие, дознаться до истины, не вникает. Как будто и не ему вскорости работать придется. К тому же и то сказать: трудно с семью классами осваивать радиолокационную технику.

И вот тогда-то замполит Коваленко занялся солдатом Колбиным.

С Колбиным тактично, но основательно поговорили на одном собрании, на другом, пристыдили за халатное отношение к делу.

Командиру роты хорошо запомнилось выступление командира отделения, как он предлагал послать в колхоз, где работал Колбин, ротную стенгазету, в которой рассказывалось о больших успехах роты в учебно-боевой и политической подготовке и о том, как Колбин тянет всю роту назад. В этой газете, выпущенной за несколько дней перед собранием, была даже нарисована карикатура на Колбина.

— Пусть ему будет стыдно, — сказал командир отделения.

Молодой солдат, помнится, здорово расстроился. Он тогда дал слово комсомольцам, что будет «служить, как все», просил товарищей не посылать газету его односельчанам.

И один на один беседовали с ним офицеры. Свидетелем одного такого разговора, состоявшегося вскоре после собрания, командир роты был сам. Коваленко рассказал Колбину о прошлом командира отделения, который предлагал послать стенгазету в колхоз. О том, как этому командиру, а тогда еще молодому солдату, тоже с большим трудом давалась вначале военная специальность и он даже просил перевести его в другие войска, «где не нужно так много работать головой». Но таких родов войск давно уже нет. Чтобы овладеть

современной техникой, нужны знания, выучка. И чем скорее это поймет солдат, чем скорее возьмется за дело, тем быстрее войдет в строй и почувствует себя идущим в ногу со всеми. Коваленко, однако, тут же сказал Колбину, что это не значит, что командование вовсе не принимает во внимание желания солдат, попытался выяснить, к чему у парня больше душа лежит. В конце концов Колбину предложили работать электромехаником на двигателе, показали, в чем будет заключаться новая для него работа.

И что же? Подействовало все это на солдата. Понял, что ничего путного не выйдет, если по каждому поводу начнет распускаться. Принялся осваивать новую специальность.

Сейчас он самый исполнительный солдат. Коммунисты даже приняли его кандидатом в партию. На гражданке он не раз еще вспомнит своего замполита.

Взгляд Тимчука падает на часы. «Засиделся, однако. Нужно проверить посты. Да и спать». Он встает из-за стола, надевает шинель и, прихватив сигареты, выходит из дома.

Вокруг непроглядная темнота. С засыпанных снегом гор, как всегда по ночам, дует холодный ветер. Впрочем, гор не видно, не видно и антенн приемно-передающей кабины, которая крутится где-то в ста метрах от дома. Слышно только монотонное гудение моторов. Это гудение слышат локаторщики дни, недели, месяцы...

И Тимчук уже представляет себе темное помещение индикаторной, склонившихся над экранами операторов. Светлая развертка обегает экран раз за разом, раз за разом — до бесконечности. На развертку долго смотреть нельзя — устают глаза. Да и нет в этом необходимости. Смотреть нужно чуть позади нее: после того, когда она пройдет по экрану, ярче высвечиваются на нем электронные засечки от предметов, которые находятся в воздухе. Но все равно порой начинает рябить в глазах, развертка расплывается. Все! Нужно дать глазам отдохнуть, хотя бы немного, закрыть ладонью или носовым платком. Старший смены, не отрывая глаз от экрана, уступает место другому оператору, а сам садится к столу, закрывает глаза... Потом включает вентилятор, закуривает и снова садится к экрану.

Растет гора коротких солдатских окурков в алюми-

ниевой пепельнице. Иногда за ночь троим не хватает пачки сигарет. Чтобы не заснуть ненароком, потихоньку переговариваются между собой. Только о чем говорить? Все уже переговорено, каждый знает друг о друге все до мельчайшей подробности.

В эти долгие ночные часы операторы, быть может, немного похожи на космонавтов, которые проходят тренировки в сурдокамере. Нужно обладать большой выдержкой, чтобы не ослабить внимание, не отвлечься от экрана даже на секунду.

СОЛДАТ СТЕРНИЦКИЙ

Сегодня не везет Стерницкому с самого утра. Долго тянулся на подъеме. Сначала попал ногой не в ту штанину, потом искал сапог, потом запутался с портянкой. Ох, эти портянки!

Наконец, оделся. Но к этому времени все отделение уже стояло в строю и смотрело на Стерницкого, как он не мог всунуть ногу в сапог. Старшина даже поморщился и с досады ушел в каптерку, передав «бразды правления» дежурному по роте.

И вот Стерницкий становится в строй. Солдаты бегут на физзарядку. Плохо завернутая портянка скомкалась у пальцев жгутом, больно давит ногу. Бежать трудно.

Дежурный по роте Чиглинцев кричит над самым ухом. Оглушил даже.

— Живее, Стерницкий!

«Легко ему приказывать «живее», — думает Анатолий. — За полтора года службы он научился мотать портянки. Они у него лежат на ноге, как безразмерные носочки». Однажды даже старшина обратил на это внимание всех новичков.

Хотел бы Стерницкий на него посмотреть, когда он только что пришел в армию. Наверно, не умел даже заправить гимнастерку под ремень как следует. Толстый, того и гляди рубашка на спине лопнет. Как он только бегает?..

Но Чиглинцев бежал не хуже других, не отставал от строя. Как бы хотелось Стерницкому, чтобы младший сержант споткнулся и упал. Ох и посмеялись бы все тогда.

Наконец, все начинают делать упражнения.

После физзарядки заправка коек. Нет ничего хуже для Стерницкого, чем это «бабье» дело. «И зачем их заправлять, — думает он. — Пусть бы проветривались весь день. Гигиенично».

Но старшина Губанов другого мнения на этот счет. Он требует, чтобы солдаты не просто заправили койки, а сделали это по всем правилам, чтобы койка выглядела «как на картинке».

«Ему можно требовать. Дома у него, конечно, жена заправляет постель. А в казарме жен нету. Хорошо бы хоть горничные были, как в гостиницах, — мечтает Стерницкий. — Встал и пошел себе по делам. Приходишь, а коечка уже заправлена. И в номере порядок. Не надо пол скоблить и натирать. А это дело тоже не из легких».

Солдаты подшивают подворотнички, готовятся к утреннему осмотру.

Стерницкий смотрит на свой. Перевернуть, что ли? Потом вспомнил, что уже переворачивал. А чистого нет. Можно было бы, конечно, попросить у дружка Артамонова, но Артамонов, как нарочно, в наряде, стоит с карабином на вышке и обозревает из бинокля окрестности. Не полезешь же к нему на вышку.

«Ладно, сойдет и этот», — решает Стерницкий.

Солдаты строятся. Старшина начинает осмотр. Проверяет, как начищены пуговицы, бляхи ремней, сапоги. Все это должно сверкать. Ну что ж, носочки сапог у Стерницкого блестят — специально для старшины начистил. Но тот, как нарочно, даже не смотрит на них, приказывает:

— Расстегните воротничок.

И как он только догадывается?..

Стерницкий с готовностью начинает расстегивать верхнюю пуговицу. Думает, увидит старшина, что от него не скрывают ничего, и пройдет дальше вдоль строя.

Не тут-то было. Старшину провести невозможно.

— Грязный, — выносит приговор старшина, огляды-

вая его подворотничок. — Почему не переменили?

— Другого не было.

— Тогда хотя бы перевернули на другую сторону.

— Что у него, три стороны, что ли?

Ребята смеются. Но старшина не смеется. Он приказывает Стерницкому выйти из строя и подшить свежий подворотничок.

Стерницкий идет в умывальную комнату, под краном моет зубной щеткой подворотничок, потом сушит в полотенце (в армии всему научишься), подшивает к гимнастерке. Через пять минут нужно доложить о выполнении приказания.

После завтрака занятия по изучению станции. Стерницкий любит копаться в технике и в это время забывает о всех своих неприятностях, о сложностях взаимоотношений с командирами. На работе все заняты одним делом, приказы тоже носят чисто деловой характер, выполнять их даже приятно, потому что чувствуешь себя в это время равным среди равных и знаешь, что от твоей работы зависит успех всего расчета.

Молодые операторы учатся водить цели в пассивных и активных радиопомехах. Дело это непростое. Только секунду назад солдат отчетливо видел на экране электронную тень самолета, хотя тот и летел где-то очень далеко от их роты и высоко, и вдруг по всему индикатору кругового обзора в разные стороны разбежались белые полосы. Это на ротном пункте управления оперативный дежурный нарочно, чтобы сбить с толку молодых операторов, включил генератор помех. Попробуй теперь разберись, что тут к чему на экране, выдели цель. А разобраться нужно. И сделать это надо очень быстро. Ведь в военное время враг, перелетев через границу, обязательно создаст помехи для тех, кто будет следить за ним с земли с помощью радаров, чтобы не дать себя обнаружить, чтобы безнаказанно сбросить смертоносный груз.

Стерницкий быстро отстраивается от помехи. Теперь цель снова видна на экране. Ее координаты можно передать планшетисту на пункт управления. А там-то уж знают, что делать с этой целью. Через считаные секунды о ней может быть известно летчикам — перехватчикам из

истребительного полка, ракетчикам, охраняющим важные объекты. Все это Стерницкому хорошо известно.

Лейтенант Сыров заключает:

— Задание выполнил. Цель провел.

Стерницкий мысленно улыбается: посмотрим, что теперь скажет Иламан Илясов, с которым он соревнуется. Это соревнование они начали вскоре после приезда в роту. При подведении итогов за неделю или за месяц всегда выходило, что Илясов оказывался впереди. Впрочем, Стерницкий не питал надежд, что на этот раз выйдет в победители, потому что в соревновании учитываются и дисциплина, и внешний вид. Но все-таки он чувствует, что со временем догонит оператора Илясова. Только нужно хорошенько постараться и не попадаться на глаза старшине, если выглядишь не «как на картинке».

Перед ужином занятия по физической подготовке. Вот уж что не нравится Стерницкому... Вообще-то он спорт любит. Дома редко футбольные матчи пропускал. Знал всех лучших футболистов мира, да и не только футболистов.

Но в роте его спортивные познания никого не интересуют. Здесь хотят, чтобы он сам был спортсменом. И прежде всего этого хочет лейтенант Новицкий. Он ежедневно заставляет солдат бегать, подтягиваться на турнике, лазать по канату, поднимать штангу.

Неинтересным кажется это Стерницкому. Зацепиться руками за перекладину и болтаться — что в этом привлекательного. Ребята смеются. Хотя многие из молодых тоже не чемпионы.

А Новицкий требует, чтобы солдаты умели подтягиваться не меньше восьми раз, прыгать на четыре метра. Бросать гранату на сорок метров, — словом, быть такими, как он сам, как командир роты Тимчук, лейтенант Владимиров, как ефрейтор Чиглинцев и сержант Родин.

«И откуда у лейтенанта Новицкого столько энергии?» — думает Анатолий. Он не помнил ни одного дня, чтобы лейтенант не занимался.

На площадку спускается облако. Солдаты видят его в нескольких десятках метров от себя. Оно мутно-белое, рыхлое и будто шевелится, дышит, медленно приближаясь к спортивному городку, если можно так назвать

пятачок, где локаторщики обычно занимаются спортом.

Облако закрывает собой выкрашенную белой краской казарму у оврага, похожую на одноэтажный барак, потом ленинскую комнату, разместившуюся в отдельном домике, все ближе и ближе подбирается к середине, чтобы накрыть белой мантией вращающуюся антенну.

Стерницкий подходит к облаку и протягивает руку: «Здравствуй, дружище!» — и рука тонет в складках мокрого тумана. Солдату хочется, чтобы облако не уходило. Правда, ему надоела ежедневно меняющаяся погода. Сколько раз уже наступала весна, и сколько раз снова отступала. И кто знает, что принесло с собой это облако. Но оно может избавить Стерницкого от занятий по физкультуре, от прыжков и подтягиваний...

Облако дышит холодом и таинственностью. Оно словно что-то беззвучно говорит Стерницкому, шевеля огромными белыми губами. Может, тоже приветствует солдата...

Вот облако вплотную подошло к огромной ажурной антенне, смонтированной на приемно-передающей кабине. Все это сооружение, установленное на высоком холме из сложенного рядами камня-плитняка, кажется сейчас каким-то чудо-животным, которое, вступив в единоборство с облаком, урчит и отчаянно машет исполинскими железными ладонями, точно хочет отогнать его от себя. Но облако неумолимо и уже накрыло кабину с антенной. Вот оно подобралось вплотную к солдатам, и через минуту они ничего не увидят, кроме густого белого тумана. И все-таки это лучше, чем ветер. Ведь здесь бывает и так: пока час позанимаешься — досыта песку наешься.

Лейтенант Новицкий недовольно кривит губы и прекращает занятия. Сержант Родин ведет всех в утонувшую в тумане казарму. Идут солдаты почти на ощупь. Стерницкому кажется, что облако отгадало его сокровенные мысли и теперь тихонько посмеивается над Новицким.

Сержант распускает строй. Ребята, как дети, бросаются в курилку, чтобы занять места на лавочках, с наслаждением затягиваются армейскими гвоздиками, что по четыре копейки за двадцать штук; шутят над неуклюжим солдатом, не сумевшим перескочить через

коня; считают, сколько дней осталось до первого футбольного матча; строят предположения насчет того, кто в предстоящем сезоне выйдет в победители; гурманы (а таких в армии хватает) гадают, что сегодня будет на ужин.

Вот уже аппетитно запахло теплым хлебом. Это пекарь только что вынул из форм румяные буханки. Сейчас их перенесут на кухню, и на ужин подадут свежий, удивительно вкусный хлеб.

Вечером после ужина Стерницкий забирается в пустой класс, баррикадирует дверь стулом, чтобы не мешали сосредоточиться, и пишет письмо знакомой девушке Нине. Он, конечно, не рассказывает ей о своих неприятностях. Это дело его, личное. Но письмо все равно получается каким-то скучным. И он рвет его, не дописав до конца. Не хочет, чтобы она думала, будто ему здесь трудно.

На вечерней поверке у Стерницкого все обходится благополучно. Даже самому не верится. Только когда уже распустили строй, старшина говорит ему, чтобы завтра у него было все в порядке. И внешний вид, и дисциплина. Старшина просто не может пройти мимо Стерницкого, не сказав ему что-нибудь такое...

Ребята быстро засыпают после отбоя. Вот уж и сосед Стерницкого сопит носом, губами чмокает. Он всегда чмокает во сне, словно целуется. Надо будет спросить его, что ему снится по ночам...

А самому Стерницкому сегодня не спится.

Вот, осторожно ступая, проходит вдоль коек командир роты. Обычный обход, к этому все привыкли. А следом за ним, как и положено, идет дежурный. Стерницкий видит, как лейтенант Тимчук останавливается у его койки, вздыхает устало и идет дальше. Стерницкому вдруг почему-то делается стыдно. Ведь и командир, и старшина, и сержант хотят ему только хорошего, а он, как-то так получается, все время подводит их.

Но уже в следующую секунду солдат отгоняет от себя эти мысли. Он не хуже других. И нечего к нему придираться.

Командир уходит, и снова становится тихо. Только слышно, как ветер шарит на крыше по шиферу, точно потерял что-то, а теперь ищет и никак не может найти.

Потом в коридоре слышится возня, топот.

— Ох, гадина, ну подожди... — раздается приглушенный голос дневального. Стерницкому понятно, в чем там дело: дневальный ловит фаланг, которые сползаются на свет.

Не раздумывая долго, солдат вскакивает с постели и в одних трусах бежит на помощь.

Фаланги появляются в здешних местах в мае и доставляют всем много неприятностей. Иной раз полежал бы на солнышке, да как вспомнишь про фаланг или скорпионов, и раздумаешь. Стерницкий знает, что старшину кусала фаланга, когда он еще срочную службу проходил. Рука потом распухла, как бревно.

Дневальный уже прижал фалангу карандашом к полу и забрасывает ей петлю из нитки на шею. Фаланга похожа на большого мохнатого паука с перетянутой талией и длинными ногами. Стерницкий помогает ему, забыв обо всех страхах.

Через минуту фаланга уже подвешена в курилке к потолку. Оба солдата закуривают и начинают ее поджаривать спичками.

И тут появляется вышедший из канцелярии командир. К удивлению Стерницкого, он не ругает его. Только говорит:

— Что же ты не спишь, Анатолий? Пора уже. Завтра трудный день. Будут полеты у соседей, — и, не дождавшись ответа, идет на станцию, видимо, проверить, как смена несет боевое дежурство.

Стерницкий переглядывается с дневальным, бросает сигарету в бочку и возвращается в казарму. На сердце у него потеплело от слов командира, и он решает с завтрашнего дня начать новую жизнь.

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИРОВ

Воскресный день. По плану сегодня спортивные соревнования на пограничной заставе.

Владимиров вскакивает с койки и смотрит, какова погода. Солнце во всю ширь неба. Снежные шапки на горных пиках так и искрятся — глядеть больно.

Славы Новицкого уже в комнате нет. Как всегда, с утра — в «Лужниках». Геннадий тоже бежит размяться. Делает несколько упражнений на перекладине, потом на кольцах и брусьях.

Освежившись под душем, который построили сами офицеры, Владимиров и Новицкий надевают спортивные костюмы и отправляются завтракать.

По случаю воскресенья повар приготовил свое «фирменное» блюдо — плов, который все в роте очень любят.

За столами разговор только о волейбольной встрече с пограничниками.

Волейболисты уже готовы.

Вместе с ними собираются на заставу и болельщики — солдаты, свободные от боевого дежурства, жены офицеров. Желающих ехать, как всегда, больше, чем нужно.

Дорога все время идет вниз. По бокам голые скалы, местами похожие на старые полуразвалившиеся крепости, огромные осыпи. С них, наверно, можно кататься на санках даже летом. «Интересно бы попробовать», — думает Владимиров. Ему вспоминается детство. Теперь он уже вряд ли когда-нибудь покатается на санках. Теперь уже дети его... — при этой мысли он усмехается. До детей еще далеко.

С невестами в горах и в самом деле туго. Жен, как правило, офицеры «привозят из отпусков».

Изредка попадается арча. Непонятно, как только она растет прямо на голых камнях.

Локаторщики въезжают в долину, где стоит застава: несколько приземистых белых домиков под шифером огорожены старинной крепостной стеной с бойницами. По углам вышки. Здесь когда-то был сторожевой пост.

Гостей уже ждут. Издалека видно, что на площадке, возле стены, разминаются соперники.

Встречать локаторщиков выходят все свободные от службы солдаты. Все довольны, что есть с кем сразиться. Играть со своими уже надоело...

Волейболисты выпрыгивают из машины.

Приветствия, расспросы.

Среди пограничников у локаторщиков немало друзей. Ведь в горах они единственные соседи. Случается, звонят с заставы:

— Слышите?

Это значит, летит где-то в горах самолет. И пограничники уже спешат доложить об этом.

— И видим, — отвечают локаторщики, отмечая путь самолета на планшете.

А бывает, и в одних боевых операциях участвуют. Недавно, например, локаторщики помогли задержать нарушителей границы.

Пришли зрители: офицеры с семьями, солдаты.

Команды выстраиваются на противоположных сторонах площадки.

— Команде пограничников — наш физкультпривет!

И вот уже судья дает свисток.

Игра идет с переменным успехом. Какой-то болельщик — пограничник, забежав на взгорок, кричит своему другу:

— Мурады, Мурады, как я тебя учил! — и отчаянно машет руками.

Первую партию выигрывают гости со счетом 15 : 12.

Игроки меняются площадками. Теперь солнце светит локаторщикам в лицо.

Противники пользуются этим и подают очень высокие мячи, которые трудно принимать.

И гости проигрывают партию с разгромным счетом 8 : 15.

Пограничники ликуют:

— Придется вам пешком отсюда идти!

Снова меняются площадками.

Локаторщики уже настороже. Они обычно всегда выигрывают у пограничников, но на этот раз хозяева, вероятно, решили победить во что бы то ни стало и играют с большим подъемом.

Подъезжает еще одна машина. Из кабины выскакивает лейтенант Тимчук. Не вытерпел все-таки.

— Наших избивают, — говорит ему старшина Бойченко, ротный фельдшер.

Тимчук садится на землю и начинает быстро переодеваться, чтобы заменить одного из игроков.

Гости настроены агрессивно, хотят обязательно выиграть. Вот только солнце слепит глаза. Хотя бы за тучу спряталось. Но туч на небе нет. Локаторщики берут минутку, совещаются. Решают запутать, сбить с

толку противника обманными посылками мяча. И это им удается. Со счетом 15:11 они выигрывают.

Под громкие крики болельщиков игроки покидают площадку.

Пограничники приглашают гостей в бассейн. Они его сделали сами, запрудив протоку горного ручья.

Локаторщики с наслаждением плавают и плескаются в теплой, как парное молоко, воде, у них наверху с водой туго, ее привозят на машине, так что каждый литр, можно сказать, на учете.

Пограничники предлагают гостям пообедать у них. Гости благодарят. Как-нибудь в другой раз! Пора ехать домой.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЧИГЛИНЦЕВ

Командир отделения планшетистов уехал сдавать экзамены в институт, и на его место лейтенант Тимчук назначил Чиглинцева. Теперь в подчинении младшего сержанта несколько планшетистов. И за каждого он в ответе. Ребята, вообще-то говоря, подобрались хорошие, исполнительные. Артамонов и Цепилов уже самостоятельно несут боевое дежурство.

Вот только с Сашей Кононовым, который недавно пришел в отделение, пока не все благополучно. Его призвали в армию вместе с Артамоновым, но сначала он работал в роте шофером. Плохо работал, машина то и дело выходила из строя. Да и дисциплина у него хромала...

И тогда командир роты решил перевести его на пункт управления. Там он будет всегда под надзором товарищей, там ему не позволят работать спустя рукава.

Не очень-то хотелось планшетистам брать Кононова в свой маленький дружный коллектив, где один отвечает за всех и все за одного. Чиглинцев об этом сказал лейтенанту Тимчуку. Но тот возразил:

— Что же вы за командир, если боитесь трудностей? С хорошими людьми любой сработается. А вы вот его сделайте таким, как все в вашем отделении.

Легко сказать «сделай», а как? Впрочем, Чиглинцев не задавал такого вопроса. Он знал, что скажет коман-

дир. Надо иайти подход к человеку. Но это-то и непросто.

Первое время Коионов и на пуикте управлеиия стал увиливать от работы.

— Не получится из меия, братцы, плаишетиста, — говорил ои, стаскивая с головы гариитуру. — Я в этом деле ёй-ей не смыслю. Отступитесь от меия, для вас же лучше.

— Получится. Только иадо, чтобы ты захотел. А в армии зиаешь как? Не можешь — иаучат, а ие хочешь— заставят.

— Кто меия может заставить? Или я не хозяии сам себе? Чего захотели!

Это уж было слишком.

Плаишетисты экстреиио собирают в своем взводе связи комсомольское собраиие.

Ефрейтор Горбачев говорит о боевом дежурстве, о воииской дисциплине.

— Нам поручеиа ответствеииая боевая задача, — говорит ои. — Мы глаза и уши иашей армии. И тот, кто уклоияется от выполиения этой задачи, дезертир.

Таких крутых слов в свой адрес Коионов явно ие ожидал. Ну, какой же ои дезертир, в самом-то деле! Ну, леиится иемиого, а вериее, даже побаивается этого ответствеиного дела, считает, что и без него обойдутся здесь. Ведь желающих работать иа пуикте управлеиия сколько угодно. А ои не отиосится к их числу. Ну и пусть бы оставили его в покое. Ведь это лучше, чем если он подведет под моиастырь всю роту. Вот и выходит, что ои обо всех заботится. А его за это дезертиром обозвали. Несправедливо.

Так и сказал обо всем этом иа собраиии солдат Коноиов.

Только лучше бы ои не говорил этого. Все равно иикто из комсомольцев не встал на его сторону. Ведь если бы все рассуждали так, как этот солдат... — иет, Чиглинцев ие хочет об этом даже думать. Он думает о другом: как сделать, чтобы Коноиов поверил в себя и не трусил, как увлечь его, как показать, иасколько работа плаишетиста важиа и иитересиа?

Чиглинцев давно заметил: было бы у человека желание проявить себя, показать, на что он способеи, а обстановка для этого всегда сложится.

Вот и для Коиоиова оиа вскоре сложилась такой, что лучше ие придумаешь.

В роте объявили тревогу.

Расчет заиял свои места иа пуикте управлеиия. Провереиа связь с операторами радаров. Включеи выиосиой иидикатор кругового обзора.

Через мииуту стало известио, что идут высотиые цели иа предельиой дальиости.

Чиглиицеву иужио считывать даииые с плаишета записывающему, который заиосит их в специальиый журиал, а радист эти даиные тотчас же передает иа КП батальоиа. И тут молодой комаидир отделеиия решает пойти иа риск, доверить считываиие Коиоиову. Хочется, чтобы он прииял иепосредствеииое участие в работе, чтобы почувствовал ответствеииость...

— Бери гаритуру и считывай доиесеиия записывающему, — спокойио, ио твердо говорит младший сержант Коноиову.

Саша удивлеиио смотрит иа Чиглиицева. В глубиие его глаз таится испуг.

— Не мешкай!

Коионов выполияет приказ.

А Чиглиицев отходит и иезаметио, так, чтобы солдат его ие видел, коитролирует его работу.

Коиоиов действует ие очеиь увереиио. Боится, как видио, иапутать. Это Чиглиицева даже успокаивает: боится — зиачит ие равиодушеи, поиимает, что такое ответствеииость.

Постепеиио солдата берет боевой азарт, который охватывает каждого, кто участвует в проводке ответствеииой цели. Голос его стаиовится тверже, в глазах появляется живой блеск. На лице — решимость. Париа словно подменили.

Но Чиглиицев ие зиает, иадолго ли это? Ведь Коионов может сорваться, ие выдержав иапряжеииого темпа боевой работы. Рисковать же в такое время нельзя.

Младший сержаит берет из его рук гарнитуру и продолжает работу сам.

Вечером, когда солдаты рассаживаются около телевизора смотреть коицерт из Ашхабада, Коиоиов, как бы между прочим, говорит Чиглиицеву:

— А работа у плаишетистов подходящая. Научите меия водить цели?

— Все будет зависеть от тебя.
— Я постараюсь.
— И я постараюсь.

Они смеются, довольные друг другом.

И Кононов старается. Все чаще его можно увидеть на тренировках в свободное от работы время, читает он и технические книги. Медленно, но верно осваивает новую для себя специальность. Конечно, бывают и неудачи, и срывы. Но в общем-то парень идет в гору. Сейчас молодой планшетист уже водит семь-восемь целей, и водит неплохо. Он решил стать классным специалистом.

ЛЕЙТЕНАНТ ТИМЧУК

В роту к Тимчуку позвонил майор Шамалюк.

— Газеты читаешь?

— А в чем дело? — настораживается лейтенант. Слишком странным кажется его вопрос. — Почту получаем два-три раза в неделю. Но радио слушаем регулярно.

— Смотри, будь начеку. Не пожаловали бы нечаянно в гости, — на слове «нечаянно» майор делает ударение.

— Мы всегда начеку, — отвечает Тимчук твердо. Комбат не любит тех, кто не уверен в своих силах, колеблется, сомневается. Впрочем, главное вовсе не в том, что любит и что не любит комбат. Рота действительно всегда начеку. — Не напрасно же, — продолжает лейтенант, — нас называют дозорными ПВО.

Телефонный разговор тревожит командира радиолокационной роты.

В людях он уверен. Станции тоже действуют отлично. Но мало ли какие осложнения могут произойти. Ведь предстоит интенсивная и продолжительная боевая работа.

Тимчук решает еще раз продумать, как расставить людей, чтобы иметь возможность взаимозаменять и своевременно подменять боевые смены. Он знает: самое главное — обеспечить умелыми специалистами мозг

подразделения — пункт управления, где анализируют информацию со всех станций.

За этот участок отвечает старший лейтенант Суслопаров. Он как раз оперативный дежурный сегодня и слышал разговор Тимчука с командиром.

Военную службу Суслопаров начал с солдата в подразделении обеспечения при радиотехническом училище, был начальником радиостанции, потом сам стал курсантом училища. А по окончании его был начальником радиолокационной станции при одном научно-исследовательском институте. Короче говоря, Суслопаров приобрел большой опыт, дело свое знает хорошо. Одно заметил Тимчук: старший лейтенант несколько волнуется в сложной обстановке. У него не всегда хватает выдержки.

«Нельзя упускать из виду связь между расчетами,— думает командир роты, расхаживая по пункту управления. — Нужно еще раз проверить запасной канал связи, чтобы в любую секунду можно было получить дополнительную информацию от станций».

Старший лейтенант словно читает мысли Тимчука.

— Виктор Иванович, не мешало бы опробовать в работе дополнительную технику.

— Не только не мешало бы. Это обязательно нужно сделать. И еще открыть дополнительные каналы связи по ультракоротковолновым радиостанциям.

Командир смотрит на большой планшет, расположенный в некотором отдалении от стены, так, чтобы с обратной стороны можно было работать планшетистам. В сложной обстановке, когда в воздухе окажется много воздушных целей на разных высотах, планшетистам будет трудно управлять операторами, которые должны своевременно выдавать характеристики всех самолетов в зоне действия наших локаторов.

Лейтенант Тимчук вызывает командира отделения младшего сержанта Чиглинцева и приказывает собрать планшетистов на инструктаж.

— Товарищ лейтенант, планшетисты на инструктаж построены, — докладывает Чиглинцев.

Тимчуку приятно смотреть на солдат, собравшихся на пункте управления. Все они не раз принимали участие в учениях. На правом фланге, как всегда, планшетист Горбачев. Самый высокий в роте. Спокойный, выдержанный. Дело свое знает хорошо. Комсомольцы

взвода связи выбрали его своим вожаком. На левом фланге коренастый крепыш солдат Смирнов. За всю службу он не сделал ни одной даже маленькой ошибки. Этот тоже не подведет.

О каждом из стоящих сейчас перед ним солдат командир роты может сказать только хорошее.

И Тимчук чувствует: им любая работа будет по плечу.

Прошло несколько дней. Тимчук проводил занятия по строевой подготовке, когда раздался вой сирены. Солдаты замерли.

Тревога!

И вот уже начал работать четко слаженный механизм, в котором каждый солдат знал свои обязанности.

Тимчук знал: через несколько минут радиолокационные станции будут хорошо укрепленной маленькой крепостью, готовой к отражению любого нападения. И окопы, которые солдаты с таким трудом выдолбили в камнях, ощетинятся стволами пулеметных установок и другого стрелкового оружия. Операторы займут свои места у индикаторов, и малейший всплеск на экранах будет замечен, расшифрован и передан на пункт управления, откуда данные о самолетах немедленно поступят на командный пункт части.

Когда Тимчук появляется на пункте управления, все уже заняли боевые места, приступили к работе.

— Товарищ лейтенант, в зоне обнаружения радиолокационных станций цели за чертой. Курс на нас, — докладывает оперативный дежурный лейтенант Янковский.

«За чертой» — это значит по ту сторону государственной границы. Командир роты подходит к выносному индикатору, установленному рядом с планшетом, экран уже светится привычным для глаз палевым светом. Развертка обегает его раз за разом, высвечивая градусную сетку. И Тимчук невольно с благодарностью думает об усовершенствовании лейтенанта Комиза, которое сократило срок включения станций на пять минут. Как они бывают нужны, эти минуты, в такой момент, как сейчас!

На экране ясно обозначены движущиеся на территорией соседнего, или, как принято говорить на границе, сопредельного государства точки. Тимчук знает:

каждая такая точка — группа самолетов, которые могут нести смертоносный груз.

— Товарищ лейтенант, связь с КП и слышимость хорошая. Данные поступают без искажения и опоздания, — докладывает командир взвода связи Суслопаров. Он взволнован, вертит в руках знакомый лейтенанту плексигласовый мундштук. Ему хочется закурить.

Тимчук кладет руку на плечо Суслопарова.

— Все будет хорошо, Анатоль Терентич, я верю вашим связистам. Идите и занимайтесь своим делом. И помните: от собранности командира зависит собранность подчиненных.

Удивительно спокойный, как будто ничего не случилось и идет обычная работа, уверенный в себе и в других, Тимчук садится за стол управления. Ему хорошо виден планшет общей воздушной обстановки с ползущими по нему линиями, показывающими курсы летящих самолетов, видны сосредоточенные лица планшетистов, склонившихся с гарнитурами на голове над горизонтальным планшетом, обтянутым желтоватой калькой. Каждый километр полета самолетов на ней будет зафиксирован. И потом хоть через десять лет можно будет узнать, в какое время (с точностью до минуты), над каким местом находился тот или иной самолет.

На пункте управления тишина. Слышен только голос диктора, уверенно и четко передающего данные о самолетах на КП.

— Радиолокационная станция фиксирует активные помехи средней интенсивности, — докладывает планшетист Смирнов.

Тимчук снова подходит к выносному индикатору. В районе, где находятся самолеты, засвечены на экране целые секторы. Неопытному глазу невозможно отличить тусклые искорки целей на фоне ярких засветок.

Нужно немедленно уточнить, какого характера помеха, и отстроиться от нее.

Командир роты берет телефонную трубку, чтобы связаться с начальником станции. Но в это время на коммутаторе загорается сигнальная лампочка, и Тимчук слышит спокойный глуховатый голос Сырова. Лейтенант докладывает, что от помехи уже отстроились. Цель просматривается хорошо.

На выносном индикаторе теперь снова видны только отметки от цели.

Планшетист Горбачев докладывает, что цели маневрируют по высоте. Командир роты знает: чтобы не потерять их, локаторщикам нужно быть особенно внимательными.

Но его опасения оказываются напрасными. Все окончилось хорошо.

Напряжение на пункте управления спадает. Слышатся шутки.

Старший лейтенант Суслопаров облегченно вздыхает, достает заветный мундштучок. Полные яркие, как у девушки, губы его растягиваются в улыбке. В руках у курильщиков появляются сигареты. Покурить теперь в самую пору.

Тимчук доволен работой боевой смены, докладывает комбату, что в зоне наблюдения находятся только свои перехватчики.

— Будьте внимательны, — предупреждает майор Шамалюк. — А пока всему личному составу объявите от моего имени благодарность. Работали хорошо. Но помните: это только начало.

Тимчук и сам знает, что впереди долгая и трудная работа. Но он уверен в своих людях.

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИРОВ

О бане в роте начинают говорить дня за два: баня у локаторщиков возведена в некий культ, и солдаты и офицеры не просто моются, а как бы совершают какой-то священный ритуал. И в самом деле: что можно придумать лучше бани после того, как ты неделю жаришься на горячем солнце, что висит над головой с утра до вечера, или когда тебя посечет до кровяных царапин ветер с песочком, а то и со снегом? Снег здесь в горах не редкость даже в мае, когда внизу вовсю купаются и загорают.

Вот и сегодня банно-хозяйственный день.

Вместо физзарядки солдаты вытрясают матрацы и одеяла. Хлопки гулко разносятся по ущельям. Готовят дрова для бани, — и тут работа находится всем. Арча

не то, что российские дрова — не рубится и не колется. В железную древесину тяжелыми кувалдами на длинных ручках забивают стальные клинья. Пока расколешь один арчевый кругляк, семь потов сойдет. Выдохнется один солдат, начинает другой.

Люди, которым поручено готовить баню, посматривают на лежащую рядом гору саксаула: неплохо бы оттуда взять для бани несколько корневищ. Ведь саксаул — это почти готовый каменный уголь. Но брать его не разрешается. Саксаул — неприкосновенный запас. Он будет отдавать свой жар в долгие зимние ночи, когда на дворе забеснуется студеный ветер, норовя не только выдуть из жилищ тепло, но и снести их с каменной площадки.

Ротные силачи Чиглинцев, Шалашников, Родин, Горбачев затеяли между собой соревнование: кто быстрее разобьет чурбак. Ну, а где соревнующиеся, там и болельщики. Окружили соперников, шумно переживают за каждый удар.

После завтрака Владимиров едет старшим в горы, к границе, на заготовку дров.

Заготовители берут с собой все необходимое: лопаты, пилы, топоры, канистру с водой.

Едут по широкому ущелью. Чем ближе к месту, где они в это лето заготавливают дрова, тем горы становятся выше и величественнее.

Кроме примелькавшейся глазу арчи, изредка попадается жимолость, кустарники ежевики. Она почти созрела. Солдаты останавливаются и пробуют ее. Сколько ягод пропадает, и только птицы наслаждаются этим богатством.

Впрочем, за ежевикой ходят и жены офицеров. Жена Сырова уже нынче угощала вареньем из ежевики. Пальчики оближешь!

А вот и место заготовки дров — сухое каменистое плато с довольно крутыми склонами.

Машина останавливается, все выскакивают из кузова.

Лейтенант распределяет обязанности. Указывает на отжившие свой век деревья с наполовину сухими ветками. Эти деревья нужно свалить в первую очередь.

Тишину гор оглушает режущий свист пил.

Арча с неохотой поддается усилиям солдат. Древе-

сина ее как будто склеена из отдельных воловьих жил, переплетенных между собой. Владимиров никогда раньше не встречал таких деревьев. По прочности арча похожа на секвойю, растущую в Америке и в Африке. А горит она удивительно хорошо и по калорийности близка, наверное, к каменному углю.

Солдаты уже привыкли к работе, и теперь редко кто набивает себе кровяную мозоль. Количество сваленных деревьев все растет.

Во время небольшого перерыва заготовщики с наслаждением пьют холодную воду. Ее специально поставили в тень в самом ветреном месте и накрыли мокрой тряпкой, — получился своеобразный термос.

Младший сержант Чиглинцев, мечтательно глядя вдаль на пламенеющие в лучах солнца горы, произносит:

— Красиво. А все-таки у нас лучше.

«У нас» — это в Башкирии, откуда он родом, где жил до армии.

Начинается извечный спор о том, где лучше. Речи солдат, что страницы учебника географии.

Чиглинцев расхваливает природу Башкирии. Вафаев — узбек. Ему больше по душе природа бескрайних степей. Шофер Вагидов, вмешиваясь в спор, отстаивает свои по-настоящему величественные дагестанские горы. Ну, а Владимирову, брестчанину, конечно, нравятся спокойные белорусские рощи и перелески.

Он лежит сейчас на жестковатых арчевых ветках, заложив за голову натруженные и оттого гудом гудящие руки, и смотрит в небо. А небо на юге не как везде, яркое и такое глубокое, точно из него выкачали весь воздух. Солнце, огромное, будто озеро с расплавленным металлом, слепит глаза. Приходится всегда щуриться. И у Владимирова уже от уголков глаз разбегаются в разные стороны морщинки. Он думает о всякой всячине. Вот пишут, что и по сей день есть в мире затерявшиеся среди непроходимых джунглей и высоких гор общины, живущие своей обособленной жизнью. Они ни от кого не зависят, ни в ком не нуждаются. Сейчас и отдельная рота кажется ему такой же общиной. Здесь солдаты обслуживают себя сами.

Из задумчивости лейтенанта выводит крик солдата Кононова, увидевшего на дереве скорпиона.

Вообще-то скорпионов в здешних местах много, и все уже к ним привыкли. Нередко, придя домой после работы, Владимиров обнаруживал такого гостя на стене или даже на тумбочке. Приходилось брать пинцет и уничтожать гада. Один вид его вызывает неприятное ощущение. Однако скорпионы здесь, по мнению локаторщиков, удивительно спокойные. И пока, за все время службы Владимирова, никого не укусили. Иногда ему уже начинает казаться, что они вообще не кусаются.

Но солдат страшно перепугался, схватил в руки топор и отбежал от дерева, ожидая нападения. У всех это вызывает смех.

Владимиров берет ветку арчи и пристукивает скорпиона. Но это не успокаивает перетрусившего солдата.

— Садись, Саша, отдыхай, скорпиона же убили,— говорят ему товарищи.

— А вы думаете, он тут один? — отвечает Кононов. — Может, их тут целая семейка!..

Это вызывает новый взрыв смеха.

— Заканчивай перерыв! — объявляет Владимиров.

Спиленные деревья погрузить невозможно. Они корявые, покрыты каменной пылью. Сучки торчат в разные стороны, как щупальцы осьминога. Задумаешься— с какой стороны подступиться.

Поплевав на ладони, солдаты принимаются за разделку арчи. Это, правда, немного легче, чем валить ее, и работа идет быстрее.

Владимиров окидывает взглядом наваленные деревья. Кажется, хватит. Хорошо работают ребята, от души, понимают, что для них никто не будет заготавливать дрова.

Теперь очищенные от веток стволы нужно скатить в ущелье и погрузить на машину. И хотя все уже устали, но работу эту выполняют с легкостью и весельем.

Уклон большой. И удачно сброшенная арча, подпрыгивая на уступах и камнях, летит вниз.

Надо торопиться. Солнце стоит прямо над головой, прожигает чуть ли не до костей. И от него некуда спрятаться. Значит, скоро обед.

Последние бревна взлетают на машину под дружные возгласы: раз-два, взяли!

— Да, после такой работы мне двух порций будет мало, — шутит солдат Стерницкий. Он, пожалуй, в ро-

те самый худой. А аппетит у него отменный. Впрочем, на аппетит никто не жалуется.

— Интересно, что сегодня нам приготовил шеф-повар, — говорит Бикматов.

— Хорошо бы поесть плов, — мечтательно вторит Вафаев Бикматову.

Солдаты залезают в кузов, на дрова. Дорога спускается немного вниз, но груженая машина идет по каменным осыпям с трудом.

Вдруг из-под колес выскакивает косой и, прижав уши, во всю прыть мчится по дороге.

— Ату его, ату! — несется из кузова. Владимирова тоже захватывает охотничий азарт, и он, как всегда в таких случаях, жалеет, что нет с собой ружья.

Заяц некоторое время под улюлюканье и свист бежит впереди машины, потом круто поворачивает в сторону и скрывается из виду.

Возбуждение, вызванное его появлением, проходит не сразу. Солдаты, перебивая друг друга, вспоминают всякие охотничьи истории.

Возвращение домой приятно. И вдвойне приятно, когда дома ждет сытный обед после хорошего трудового дня. Владимирову уже кажется, что он чувствует запах аппетитного борща.

Часовой открывает шлагбаум, и заготовители въезжают в свой заоблачный городок.

На разгрузку машины уходят считанные минуты. Все бегут умываться, а затем на обед.

На столах уже стоят огромные тарелки с хлебом. Хлеб здесь особенный. Он и не черный и не белый. Пекарь, солдат Эшкуватов, смешивает два сорта муки, и хлеб с вкусными хрустящими боковыми корочками получается не хуже булок. И ребята в ожидании щей уплетают его, густо намазав горчицей.

Ближе к вечеру — баня.

Дежурный по бане сегодня Владимир Колбин. Солдаты рады: нет более добросовестного «банщика» в роте. Если он топит — баня будет «на все сто». Колбин уже до завтрака получил у дежурного по роте ключи от бани, наводит там порядок.

Вода заготовлена с вечера. Но шофер с водовозки еще раз отправляется за водой к пограничникам. Лиш-

ная вода не мешает. А перекачать ее из водовозки в бак, установленный на чердаке, нетрудно.

В первую очередь отправились мыться те, кому заступать вечером в наряд. Помоются и отдыхать. Потом идут остальные. Сначала большей частью солдаты, которым нужно что-то постирать: носовые платки, подворотнички, носки, портянки и другую мелочь.

Те, кто любит попариться в парной, не спешат. Ждут, когда баня хорошенько разогреется. А Колбин не жалеет дров. Вмурованные в печки трубы накаляются докрасна. Если на них плеснуть водой — ее вышибает обратно тугим облаком пара.

Есть среди солдат и офицеров и заядлые парильщики — Сыров, Новицкий, Тимчук. Эти идут в баню часам к пяти или шести, хорошенько поломав свое тело на турнике, брусьях, кольцах, покидав гири и штангу, «помассировав» себя боксерскими перчатками. И уж если они заходят в парную, никому там не усидеть. А они заберутся с тазами на полóк и хлестают друг друга веником, который хранят как зеницу ока от бани до бани, пока он не превратится в жиденькую метелку. Зимой они после парилки выбегают на улицу и прыгают прямо в сугроб.

Иногда в роту приезжают попариться и гости.

А ведь совсем недавно бани не было в горах. Солдаты мылись чуть ли не по-черному в маленькой избушке на курьих ножках.

И вот когда строили капонир для агрегатной и остался кирпич, лейтенант Комиз предложил:

— Давайте новую баню сделаем.

Строили баню целое лето. Главным прорабом был все тот же лейтенант Комиз. Владимиров даже не знает, как бы обошлись без этого хозяйственного человека. У него на учете был каждый гвоздь. Он сам делал раствор и выкладывал плитками стены в умывальной комнате, которая расположена в том же здании, сам штукатурил потолок и вставлял стекла в рамы.

И все-таки не все получилось сразу так, как хотели. В бане были и раздевалки, и парная, и бытовая комната, и умывальник, и каптерка со стеллажами для белья, только печи не давали достаточного тепла: слишком толстые стены получились.

Месяц помылись в холодной бане и решили ее переделывать.

Но зато уж после переделки здесь стало так, как этого всем хотелось. Не баня, а рай на земле.

Сегодня вечером кино, поэтому все спешат вымыться до ужина.

Народу набивается много, тазиков не хватает.

На пороге появляется длинный и худой Стерницкий в трусах по колено. Он только что вернулся с Большой земли — ездил за кинокартиной. Ему тоже нет тазика. Но он не из тех, кто может ждать. Объявляет на всю баню:

— Моетесь! А там вас письма ждут.

Этого достаточно. Через пять минут баня пустеет. Стерницкий выбирает себе тазик получше, с двумя ручками, и идет в парную. Он любит париться с комфортом, вытянувшись во весь рост на горячих, смоченных водой досках. И чтобы не шумели рядом, не толкались, не брызгались. Насчет писем он придумал. Их не привезли, потому что почта была закрыта. Но Стерницкого не мучает совесть и он не боится, что его станут упрекать товарищи. Сегодня он будет крутить кино. Сегодня ему простят все, что хочешь.

СОЛДАТ СТЕРНИЦКИЙ

На вечерней поверке лейтенант Тимчук объявляет, что в роту приезжает комиссия проверить боеготовность техники, посмотреть, как живут солдаты в горах. Операторы будут держать экзамены на классность.

Сразу же находятся неотложные дела. Нужно еще раз проверить всю технику, устранить мелкие неполадки: где-то почистить, что-то настроить, нужно срочно убрать территорию, подправить газоны, навести порядок в казарме, в Ленинской комнате.

А времени в обрез. Ведь боевая работа со счетов не снимается.

Молодые, кому предстоят экзамены на классность,

особенно волнуются, хотя готовились к экзамену несколько месяцев. Как-то обойдется все? Стерницкий тоже переживает. У него еще нет класса и он давно уже не без тайной зависти посматривает на классных специалистов, на гимнастерках у которых красуются значки с цифрами 3, 2 и даже 1. Иногда думает: сумеет ли он когда-нибудь получить такой? Что там ни говори, а ведь приятно будет послать Нине свою фотографию и чтобы на груди был этот красивый значок.

Но, если уж говорить все до конца, если поставить, так сказать, точку над i, то дело, конечно, не в значке, а в знаниях. Знания же — это гарантия того, что после армейской службы можно быстрее найти свое место в жизни. Стерницкий мечтает поступить после армии на радиозавод. Неплохо бы устроиться и на гражданский аэродром оператором. Но для этого нужны глубокие знания, плюс опыт, умение действовать быстро и точно.

Да и в армии у классного специалиста привилегии. Ему поручают более интересные и более ответственные задания, связанные с ремонтом станций и сложными регламентными работами. Ему даже увеличивают денежное довольствие, что тоже не безразлично солдату.

В роте немало классных специалистов, и их число непрерывно увеличивается. Ведь сдают на классность ежегодно, а то и два-три раза в год. При желании можно уже на втором году службы иметь первый класс. Но Стерницкому пока рано об этом мечтать. Он думает о том, как бы сдать на третий класс. Впрочем, солдат не теряет надежды на то, что в скором времени привинтит к парадному костюму синенький значок с цифрой 3. Ведь если раньше он вытягивал только на 3,8 или 4 при оценке боевой работы по пятибалльной системе, то в последнее время начал получать 4,3—4,5 и даже 4,6 балла.

Собираются сдавать на классность и товарищи Стерницкого операторы Иламан Илясов, Борис Бахарев и Баллы Агаев. Они вместе готовились к экзаменам. Давно готовились. Бывало, приходит конец смене, а они не спешат домой, смотрят, как работают те, что заступили на их место, расспрашивают обо всем. Ведь что ни человек, то метод. Вечерами уходили в классы, изучали устройство различных радиолокационных станций, принцип их работы, учились устранять неполадки в ап-

паратуре. Конечно, в учебе им помогали начальник станции лейтенант Сыров, техник-лейтенант Дюбин, сержант Родин и рядовой Никитин. Устраивали им экзаменовки, отвечали на всякие вопросы.

Стерницкому особенно трудно поначалу давались диоды, триоды, радиолампы. Для чего они предназначены он знал, а вот какие там происходят физические процессы во время работы станции, ему было непонятно. А понимать это необходимо, иначе невозможно обнаружить неисправность и тем более невозможно ее устранить. Лейтенанты Дюбин и Сыров помогли Стерницкому разобраться в принципиальной схеме станции. Ведь для человека, не знакомого с условными обозначениями, она так же непонятна, как непонятна книга на иностранном языке для человека, который не знает этого языка. Или взять музыкальные ноты. Для того, кто не может отличить «до» от «ре», они кажутся грамотой за семью печатями. Впрочем, разбираться в схеме — это еще не все. Нужно ее выучить. А как это сделать, если схемы занимают целую книгу в несколько сот страниц...

Родин и Никитин учили Стерницкого настраивать и регулировать станцию, делать проводку целей, сначала одной, потом двух, трех и больше.

Чтобы сдать на третий класс, он должен уметь проводить сразу несколько целей. Ну, за это теперь он не боялся. Во время боевой работы ему приходилось по пять-шесть часов не отходить от индикатора кругового обзора, научился многому.

После сообщения командира роты на вечерней поверке солдатам даже спать расхотелось. Они бы всю ночь просидели в классе, готовились к экзаменам.

Но распорядок дня в армии превыше всего.

Утром локаторщики приступают к генеральной уборке.

Командирам по ходу работы приходится решать какие-то хозяйственные вопросы, которые из-за нехватки материалов превращаются в целые проблемы.

Дымит печь на кухне. А как ее починить? Нет ни материалов, ни специалистов. Командир поручает это дело солдатам Колбину и Гнусину. Владимир Колбин никогда не делал печей, просто из-за слабого здоровья ему в непогоду, когда студеный ветер норовит сбить с

ног, чаще, чем другим, приходилось оставаться в казарме, топить печь, готовить баню. Ну, а раз так, стало быть, о печах он должен иметь некоторое понятие. Ремонт предстоит немалый: придется вытаскивать котел и заново выкладывать топку. Но как ее сделать, чтобы не обвалилась? И вот сидят солдаты на корточках, глядят в печку, думают. Вместе с ними думает и замполит.

Лейтенанты Владимиров и Янковский, устроившись в уголке, изучают приказы и планирующие документы, читают только что полученные информационные бюллетени.

Комиссия приезжает через два дня.

После осмотра станций и городка члены комиссии собирают всех готовившихся к сдаче на классность в Ленинской комнате. Высокий подполковник дает каждому из операторов вопросы, на которые они должны ответить. Стерницкому он предлагает рассказать все о пассивных и активных помехах и о том, как их устранить.

Солдат улыбается про себя. Материал этот ему знаком. Не раз приходилось отстраиваться от помех. Знает он что ответить и на второй вопрос экзаменатора о тактико-технических данных вероятного противника.

Молодой оператор без запинки отвечает на все вопросы. Говорит коротко, самую суть, как учил лейтенант Сыров, но зато все верно. Ему даже не задают дополнительных вопросов.

Товарищи Стерницкого тоже отвечают довольно бойко, чувствуется — знают теорию. Вот только солдат Агаев говорит неуверенно, путается. Жалко его Стерницкому, но как он сейчас может ему помочь? Раньше нужно было думать об этом Агаеву. И Стерницкому немного стыдно, что не уделил внимания Агаеву, хотя и знал, Агаев «плавает» во многих вопросах.

После сдачи теории операторов ведут на станцию, чтобы они на практике показали свои знания. Стерницкому предлагают рассказать о назначении блока запуска, о его работе, настроить индикатор кругового обзора. Дело это не очень-то трудное, но солдат волнуется и путает две ручки настройки. Подполковник поправляет и тут же дает дополнительное задание.

Спустя некоторое время счастливчиков поздравляют перед строем с успешной сдачей экзаменов.

Соперник Анатолия в соревновании Илясов тоже сдал на третий класс.

А потом все комсомольцы роты собираются в Ленинской комнате, чтобы составить рапорт в политический отдел соединения о том, как они осваивают военные профессии, какие обязательства ставят перед собой.

Стерницкий пока еще не комсомолец, но комсомольцы в рапорте говорят и о нем, когда указывают число классных специалистов. «Если бы я не сдал, — думает молодой оператор, — то это число было бы меньше на единицу. А единица — это много в маленьком коллективе».

Появится фамилия Анатолия Стерницкого и на стенде в Ленинской комнате. Его фамилию можно будет видеть каждый день...

Теперь Стерницкий и Илясов решили готовиться к сдаче на второй класс. И опять будут соревноваться между собой.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТИМЧУК

Быстро бежит время. Кажется, давно ли лейтенанты Сыров, Комиз, Коваленко и он, Тимчук, окончили училище. Опыта никакого. Одно желание скорее стать настоящими специалистами своего дела, такими, как их старшие товарищи. Впрочем, иметь желание это не так уж и мало, это, пожалуй, главное в жизни человека. И вот на праздник Октября им присвоено очередное звание. На погонах появились новые звездочки. Теперь эти офицеры не просто лейтенанты. А *старшие!* Само слово говорит за себя. Здесь они сейчас старшие и по занимаемым постам. Тимчук — командир роты. Коваленко — замполит. Сыров и Комиз—начальники радиолокационных станций. Коммунисты роты (пятнадцать человек и почти все приняты в партию на этой точке) выбрали Комиза секретарем партийной организации.

И старожилы они тоже. В роте давно уже нет тех, кто пришел сюда раньше их. Уехавшие на Большую землю продолжают службу в других местах, передав

молодым офицерам как эстафету, эту высокогорную точку, стоящую на переднем крае войск ПВО, предоставив им все заботы о «надзоре» за небом, заботы о тех, кто служит здесь.

И другие офицеры здесь выросли.

На память Тимчуку приходят всякие случаи, которые сейчас уже воспринимаются как анекдоты.

...Идет боевая работа. Оперативный дежурный по пункту управления лейтенант Янковский.

С КП батальона поступила команда: обнаружить и провести самолет.

Янковский должен сказать оператору, в каком квадрате самолет. Для поиска по высоте нужно использовать качание антенны.

Казалось бы, чего проще, но Янковский не решается это делать без указания свыше. Звонит на КП батальона, а ему отвечают: действуйте самостоятельно. Ничего себе ответ. Оперативный дежурный в растерянности. Ну разве он может действовать самостоятельно? А вдруг сделает не так, как нужно. И тогда вся вина падет на него...

«Да, что бы мы делали тогда, если бы не старшие офицеры?!» И в первую очередь Тимчук, конечно, вспоминает бывшего командира роты капитана Топчиенко. Вот был офицер. Все знал, все умел. С любым мог найти общий язык, и каждого понимал с полуслова. Топчиенко всегда будет примером для Тимчука.

«Теперь старшие мы, — думает старший лейтенант. И все заботы лежат на нас».

А забот по горло.

Взять прошлую неделю. Она оказалась трудной и напряженной для всего личного состава. У локаторщиков была очень серьезная проверка. Это экзамен для всех, большой и ответственный.

Комиссия приехала в роту поздно ночью. И тут же неожиданно для всех была объявлена боевая тревога. Расчеты по тревоге своевременно заняли места. Хорошо знали они и свои обязанности, действовали решительно. Особенно отличилась группа по ликвидации последствий «атомного взрыва». Под руководством комсомольца Чиглинцева солдаты этой группы работали в специальных комбинезонах, предохраняющих от радиоактивного

заражения, в противогазах. Вот что значат регулярные тренировки.

Но это было только начало.

Для боевых расчетов всех радиолокационных станций и пункта управления устроили «проигрыш» на проводку большого количества целей, действующих на малых и больших высотах в условиях интенсивных помех.

Уж тут-то всем пришлось потрудиться.

Сложная техническая задача попалась Родину. Он должен был отстроиться от помех и на предельной дальности обнаружить групповую цель, дать ей характеристику.

А это ведь очень не просто, когда на экране сливаются воедино едва видимые глазом искорки, каждая из которых цель, когда его то и дело забивает серебристыми полосами помех, словно на все станции обрушивается с неба шквальный дождь из расплавленного металла.

Но эта задача оказалась по плечу сержанту. Проверяющие остались довольны. Другие операторы тоже действовали умело. Да и не только операторы.

Много хлопот доставили всем контрольные стрельбы. Первые результаты оказались неутешительными. Солдаты Сатаров и Бекмурзаев страшно переволновались при виде такого количества проверяющих и стреляли хуже, чем обычно. Но ротные снайперы комсомольцы Горбачев, Артамонов, Илясов исправили дело.

В итоге комиссия выставила общую оценку «хорошо».

Спустя некоторое время Тимчука вместе с другими командирами радиолокационных рот вызвали в соединение для подведения итогов учебно-боевой и политической подготовки.

И как же приятно было ему услышать фамилии своих солдат и офицеров в числе поощренных командиром соединения за отличные успехи. Старший лейтенант Коваленко, старшина Губанов, младший сержант Чиглинцев, ефрейтор Иванидзе, солдат Бахарев награждены грамотами; лейтенант Янковский, старшина Губанов и он, Тимчук, получили настольные часы.

Конечно, неплохо поработали в роте и все остальные. Да только ведь всех до единого не наградишь.

Ну взять хотя бы самого молодого офицера, лейтенанта Николая Барановского. Парень он молчаливый, стеснительный, еще не разучился краснеть по пустякам, а его выдержке в работе может кое-кто из «старичков» позавидовать. Барановский никогда не спутается, последователен в своих действиях, трудолюбив — готов хоть сутками не выходить из индикаторной. Его очень уважают подчиненные. За трудолюбие и уважают. За то, что не чурается черновой работы. Приобретет опыт и будет отличным специалистом.

И, конечно, благодаря отличной учебно-боевой подготовке всего личного состава при подведении итогов работы воинских подразделений за год отдельной радиолокационной роте вручили переходящий приз и диплом с грамотой за первое место в конкурсе по сверхдальнему обнаружению целей.

Командующий подарил роте, как лучшей в соединении по сверхдальней проводке целей, красивую волейбольную форму.

Больше всех обрадовался форме руководитель волейбольной секции лейтенант Владимиров. Он давно мечтал, чтобы его волейболисты и внешне ничем не отличались от настоящих спортсменов.

Обо всем этом старший лейтенант Тимчук думает сейчас в последние минуты старого года, перед тем, как построить роту и поздравить с Новым годом.

А пока солдаты и офицеры собрались в казарме у телевизора и смотрят праздничный концерт. Сегодня в роте отбой на два часа позже обычного: раз в году здесь отступают от заведенного распорядка дня.

Потрескивают дрова в печках. Уютно пахнет дымком. Дневальный подкидывает в топки суковатые арчины. Зимой в горах ветрено, помещения быстро остывают и порой приходится топить печи с утра до вечера и с вечера до утра. Пятидесяти машин дров только-только хватает, чтобы дотянуть до весны.

В двадцать четыре ноль-ноль по московскому времени солдаты, сержанты и офицеры строятся в центральном проходе. Старший лейтенант Тимчук поздравляет всех с Новым годом, читает поздравительные телеграммы от командования, бывших военнослужащих.

После торжественной поверки солдаты ложатся спать.

В час тридцать в комнате Тимчука зазвонил телефон.

— Товарищ командир, ветер что-то расшалился!

Тимчук уже и сам это чувствует. Дом то и дело сотрясается от резких порывов ветра, гремит.

— Большие антенны не могут вращаться, — продолжает докладывать оперативный дежурный лейтенант Дюбин. — Что будем делать? Жду указаний.

— Сейчас приду, — говорит Тимчук, машинально одеваясь. За эти годы ему столько раз приходилось вставать ночью по тревоге, что уже выработался своеобразный рефлекс. — На месте примем решение.

Он нахлобучивает шапку до самых глаз и толкает дверь. Не тут-то было. Налегает плечом — тщетно. Упирается ногами, и дверь, наконец, поддается. Тимчука захлестывает ветром, и он едва стоит на ногах, какое-то время держась еще за ручку двери.

Нагнувшись вперед и с трудом преодолевая сопротивление ветра, он идет к казарме. Вокруг творится что-то невообразимое. Поднимая с земли целые тучи пыли и песка, ветер обрушивает их на дом, на радиолокационные станции, жутко свистит в ячейках антенн, в перекрученных ветках арчи.

Тимчук медленно пробирается вперед, загородив рукой глаза, и думает, что предпринять. Ведь при таком ветре, особенно при сильных порывах, антенные системы может снести с насыпей. Станции выйдут из строя. И этим могут воспользоваться там, за кордоном. Может быть, они только и ждут такого случая, чтобы пожаловать к нам, послать самолет с лазутчиками.

Надо немедленно укрепить системы. А чем? Необходим противовес. «Тягачи!» — приходит Тимчуку спасительная мысль. Одиннадцатитонные тягачи с лебедками смогут удержать на насыпи антенные системы.

Подходя к казарме, он слышит какие-то странные хлопающие звуки. Невольно останавливается, стараясь понять, что же происходит. И видит, как крыша, словно живая, «дышит», то поднимаясь, то опускаясь с хлопком на балки. Ее могло смахнуть в любую минуту.

Тимчук вбегает в казарму и приказывает дневальному:

— Объявляйте тревогу! Оружие не брать. Построение здесь.

Через две минуты рота построена. Все в зимних бушлатах, в шапках-ушанках.

Водители бегут к тягачам, заводят их и выезжают на позиции станций, чтобы лебедками удерживать антенные системы от ветра.

Остальные подкатывают к казарме старые покрышки от автомашин, катки из-под тягачей, чтобы затащить их на крышу казармы.

Между тем порывы ветра усиливаются. Патрульный докладывает, что снесло крышу на складе горюче-смазочных материалов. Подхваченный ветром шифер, словно тетрадные листы, перелетает через весь поселок к ущелью, ударяясь о камни, раскалывается на мелкие куски.

Возле стены казармы выстроилось уже около тридцати баллонов и катков. Ими нужно придавить листы шифера. Но как это сделать при таком ветре? Ведь любого смельчака может сдуть с крыши первым порывом.

«Сначала нужно закрепить проволоку за дымовые трубы», — решает Тимчук.

Родин и Илясов первыми вызываются выполнить это задание.

Подстраховывая друг друга, они медленно, плотно прижавшись к крыше, приближаются к трубам. В эти минуты они похожи на альпинистов, штурмующих неприступную вершину.

И вот проволока закреплена.

Командир роты решает сам оценить обстановку наверху и лезет на крышу. Ему, конечно, уже легче — ведь он держится за проволоку.

За Тимчуком поднялись солдаты. Закрепившись на крыше веревками, образовывают живую цепочку.

Снизу подают баллоны один за другим и катки, их тут же укладывают на шиферные листы, связывают проволокой.

Спустя пятнадцать минут после объявления тревоги водители тягачей докладывают Тимчуку, что станции закреплены. Опасность срыва антенных систем миновала.

Крыша на казарме тоже укреплена.

А ветер все не унимается. Сорвал дверь на кухне, выбил несколько окон, начал сбрасывать шифер с офицерского домика, порвал провода...

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЧИГЛИНЦЕВ

В ту ураганную ночь солдаты поспали часа два-три. Да и что это был за сон: в разбитые окна, наскоро заделанные одеялами, задувало. Печные трубы превратились в сатанинский орга́н. Локаторщики думали днем «прихватить», но не тут-то было. Под утро порвалась проводная связь с командным пунктом батальона. Ураган, как видно, и в горах похозяйничал. Пришлось временно перейти на радиосвязь. Старший лейтенант Тимчук вызвал в канцелярию командира взвода связи Суслопарова и прика́зал ему наладить линию.

Суслопаров невысок ростом, щуплый. У него большие глаза с грустинкой в темных зрачках, пухлые губы, острые скулы и маленький подбородок. В лице есть что-то по-детски трогательное. Суслопаров знает: работа предстоит трудная и опасная. Из иного ущелья и вертолет не вытащит. Но он выполнит задание как можно быстрей.

Шесть связистов во главе с Суслопаровым, одевшись потеплее, прихватив с собой два телефонных аппарата, телефонный провод, когти, плоскогубцы и другой инструмент, отправляются на линию.

Идти трудно. Каждый несет инструменты и продукты. Кроме того, все вооружены, ведь они на самой границе, в горах всякое случается, да и зверье зимой голодное бродит.

В ущельях глубокий снег, местами увязают по пояс, расчищают дорогу лопатами, ползут на четвереньках и даже по-пластунски. Порывы ветра так сильны, что Суслопаров приказывает солдатам привязаться веревками, чтобы не сдуло кого-нибудь со скалы.

Продвинувшись на три километра, связисты обнаруживают оборванный провод на одном пролете.

Нарастить один из концов, прежде чем устранить обрыв, — дело знакомое, солдаты справляются с этой работой быстро. Потом лучший «верхолаз» Чиглинцев прилаживает к ногам когти, залезает на столб, накидывает на изолятор удлиненный конец.

Вот уже младший сержант бросил вниз нарощенный провод. Связисты тянут его до тех пор, пока он не на-

тягивается, как струна. Чиглинцев соединяет концы и откусывает плоскогубцами лишний провод. Теперь, если тронуть его рукой, он звенит, но нужно еще проверить, есть ли связь. Суслопаров подсоединяет к линии телефон. Связи нет. Значит, где-то замыкание. Но где? Чиглинцев слезает со столба, и солдаты, взвалив на плечи поклажу и кляня погоду, двигаются дальше по линии.

С каждым часом идти становится труднее — линия теперь проходит по глубокому ущелью, засыпанному снегом. Его здесь столько, что впору хоть туннель прокладывать. Все устали, но как могут подбадривают друг друга.

Нугманов несет большой моток проволоки. Этот солдат служит первый год, не привык еще к армейским трудностям и начинает отставать. А в горах человек без тренировки быстро устает — не хватает кислорода.

Чиглинцев подходит к Нугманову и молча берет у него проволоку.

Нугманов с благодарностью смотрит на младшего сержанта и прибавляет шагу.

В два часа дня связисты делают привал.

Артамонов и Цепилов отправляются на поиски дров. Спустя некоторое время в ущелье уже весело трещит костер.

Чиглинцев варит незатейливый суп из концентратов, кипятит чай. Обед всем нравится. Да и не мудрено — с утра не ели.

К вечеру пурга утихает. Но снежные заносы то и дело преграждают связистам путь.

Темнеет. И хотя на небе сквозь облака проглядывает луна, идти ночью по горному бездорожью опасно. Легко принять снежный карниз за каменный, и тогда считай, что отжил свое.

Решили заночевать в горах. Благо, связисты обнаружили пещеру в скале, где можно укрыться от непогоды.

Одеты солдаты тепло, и перспектива провести ночь в горах никого не страшит.

Разжигают у входа большущий костер, чтобы обсушиться как следует, напиться горячего душистого чаю с сахаром. Только в подобных условиях и можно, наверно, оценить всю прелесть этого напитка.

Чиглинцев вспомнил, как искали баранов в этом ущелье, стал рассказывать молодым солдатам.

Бараны были получены старшиной Губановым в качестве пайка для солдат и офицеров. По мере надобности их закалывали и мясо (всегда свежее и в этом-то все дело!) поступало в столовую.

Но вот бараны из подсобного хозяйства роты пропали. Казалось, только что они спокойно лежали неподалеку, и вдруг исчезли. Лежали, пока за ними был глаз. А потом, когда солдат, который их пас по склону горы, ушел мыться, бараны поднялись и пошли. Но когда было это «потом», солдат не мог сказать. И никто другой этого не знал. Двадцать семь баранов словно сквозь землю провалились.

А тут еще, как нарочно, поднялась пыльная буря. Случаются такие в здешних местах. Один «заряд» следует за другим, и тогда в двух шагах ничего не видно. Дышать можно только через платок.

Тотчас же была объявлена тревога.

Создали пять поисковых групп по четыре человека в каждой.

Группа лейтенанта Сырова села в машину и поехала вдоль дороги. Четыре группы, возглавляемые Губановым, Горбачевым, Иванидзе и Чиглинцевым, пошли по ущельям.

Между тем уже стемнело. Шли солдаты в пределах видимости, разомкнувшись по фронту. Луны почти не было видно из-за облаков, пыли и песка. Ветер валил с ног, сек лицо.

В двенадцать ночи над горами повисла красная ракета. Это командир роты дал сигнал сбора. Он волновался: в такую погоду всякое могло случиться.

Вернулись домой около двух ночи. Без баранов. От усталости едва держались на ногах.

К утру ветер стал утихать. Немного отдохнув, группы снова были высланы на поиски. Повезло группе Сырова. Недалеко от дороги, в семи километрах от городка, они нашли баранов. Но не всех. Двенадцати не хватало.

Снова все группы были собраны ракетой. Людей покормили, а тех, кто плохо себя чувствовал, отправили спать.

Командир роты сформировал три новых группы, и

они, получив сухой паек, направились в тот район, где Сыров обнаружил баранов.

Поздно вечером в глубоком ущелье нашли разорванную овцу, около нее валялись клочья шерсти, виднелась свежая кровь на камнях. Стало ясно, что бараны, которых локаторщики недосчитались, пошли по этому ущелью, и на них напал какой-то зверь, — может быть, волк или барс. Все еще больше обеспокоились: ведь бараны — это мясо для солдатской кухни.

Старшина решил, что больше нет смысла искать животных по другим ущельям, отобрал самых выносливых ребят и сформировал новую группу. В нее вошли Горбачев, Бахарев, Осокин, Вафаев, Смирнов и Чиглинцев.

Через час Губанов повел солдат дальше по глубокому ущелью. Ночь была тихая, и тишину нарушал лишь топот сапог. Иногда откуда-то падали камни, может быть, их сбрасывали ползавшие наверху черепахи или змеи.

Солдаты перекликались время от времени, ауканье гулко разносилось в горах, пугало горных орлов, и они громко хлопали крыльями где-то высоко над головами ребят.

Нередко дорогу преграждали поваленные деревья, в ногах путался колючий кустарник.

Часа в четыре утра, возле пересекавшей путь расщелины, сделали привал. Глубина ее была около двадцати метров. Стены гладкие, не за что зацепиться, чтобы спуститься вниз. Смогли ли бараны перепрыгнуть через нее?

— Если один перепрыгнул, то и все перепрыгнули,— сказал Вафаев. Он разбежался и перескочил на другую сторону. Встав на колени, начал внимательно обследовать землю, кусты колючего барбариса. Вернулся через полчаса.

— Бараны все-таки прошли здесь, — сказал он, показывая клоки шерсти.

До водопада, которым заканчивалось ущелье, было еще около десяти километров, но всем не терпелось узнать, живы ли бараны.

Спустя часа два солдаты услышали шум воды. Увидел баранов ефрейтор Горбачев. Они лежали, сбившись в кучу, возле каменной стены.

Чиглинцев умолк. Разморенные усталостью и теплом

ребята клюют носом. Младшего сержанта тоже клонит ко сну. Прижавшись друг к другу, солдаты затихают.

У входа в пещеру старший лейтенант выставляет рядового Осокина, которого потом должен сменить Смирнов. Им приказано всю ночь поддерживать костер, оберегать спящих. Сам Суслопаров еще долго не ложится, проверяет, хорошо ли укрылись солдаты, курит, глядя в огонь. Старший лейтенант недавно женился и теперь думает о своей жене, которую пришлось оставить одну. Наверное, не спит, волнуется за него. К таким его отлучкам ей придется привыкнуть.

Ночь проходит без происшествий. Только к утру все так продрогли, что зуб на зуб не попадает.

Чиглинцев скорее кипятит воду.

Солдаты тем временем делают небольшую разминку, чтобы скорее согреться, умываются снегом и приступают к завтраку.

И, не мешкая, снова в путь.

Замыкание связисты обнаружили лишь на двенадцатом километре от роты. От сильного ветра накренило столб, провода переплелись.

Прежде всего нужно выровнять столб. На крюк, где крепится изолятор, накидывают длинную веревку и начинают тянуть за нее. Столб постепенно встает на свое место. Солдаты укрепляют его камнями. Теперь остается разъединить провода.

Чиглинцев снова надевает когти и забирается на поставленный столб, Смирнов лезет на соседний. С помощью длинных палок провода, наконец, разъединяют.

Суслопаров опять подключается к линии. Делает вызов. Все ждут с нетерпением и затаенной тревогой. Неужели еще дальше придется тащиться по линии?

Нет! На вызов сразу же отвечают оперативный дежурный и телефонистка на коммутаторе командного пункта части.

Связисты улыбаются.

Старший лейтенант Суслопаров докладывает командиру роты, что неисправность устранена, и просит выслать навстречу машину.

И вот уже связисты выбираются на дорогу. Под ногами твердая земля. Как приятно ощущать ее после многих часов бездорожья!

На вечерней поверке старший лейтенант Тимчук

благодарит всех, кто действовал по тревоге, а оперативной группе Суслопарова объявляет благодарность от имени командира батальона.

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИРОВ

Сегодня будильник поднимает Владимирова с постели раньше обычного. Нет, ничего особенного не случилось, просто он заступает на боевое дежурство. Греет в кружке «жулнком» воду для бритья, достает из книжки и подшивает свежий подворотничок, тщательно начищает сапоги. Ведь ему придется инструктировать смены. И в первую очередь он будет смотреть на внешний вид солдат и офицеров.

Прежде чем идти на пункт управления, Владимиров еще раз оглядывает себя в зеркало. А из зеркала пытливо и чуть насмешливо смотрит на него худощавый бледнолицый лейтенант с глубоко запавшими и, как ему думается, очень выразительными глазами, которому, надо сказать, не повезло в том отношении, что у него редеют волосы.

У казармы уже строятся смены с противогазными сумками через плечо.

Дежурный по роте командир отделения младший сержант Чиглинцев четко командует:

— Смена, равняйсь! Смирно!

Молодцевато подходит к лейтенанту. Чиглинцев широкоплеч, строен, лицо круглое, розовощекое. Кровь с молоком, говорят о таких. Голос у него высокий, зычный.

Лейтенант подает команду «вольно», берет журнал смен, заступающих на дежурство. Чиглинцев отходит в сторону. Будет слушать, как его планшетисты отвечают на вопросы. Чиглинцев служит третий год и теперь готовит себе замену. Скоро он уедет отсюда, но Владимиров знает: эти угрюмые серые скалы еще долго будут сниться ему.

Лейтенант проходит вдоль строя. Солдаты тщательно выбриты. Пуговицы блестят.

Инструктаж боевых смен — важный и ответственный момент в жизни подразделения. Локаторщики, как пограничники: только в этих родах войск читаются слова торжественного приказа о заступлении на боевое дежурство по охране рубежей Родины. Пограничники охраняют наземные рубежи, а локаторщики — воздушные.

Смены должны назубок знать свои обязанности и средства вероятного воздушного противника. У старослужащих солдат Владимиров долго не задерживается, он их всех хорошо знает, дежурит с ними часто. На все вопросы они отвечают без запинки. Да и не удивительно: все постигли на практике. Проходит и мимо высокого белобрысого солдата — рядового Подгайного. Этот тоже знает свое дело. И вообще он молодчина. Исполнительный, серьезный, впитывает в себя знания, как губка воду. Окончил институт, а зазнайства нет и в помине. Глядит на него Владимиров и думает: «Да, не та стала армия. Раньше и офицеров не часто встретишь с высшим образованием, а сейчас солдаты, закончившие институт, — не в диковинку. Жизнь течет, в хорошую сторону течет».

Лейтенант останавливается перед Кононыхиным, долговязым жилистым солдатом с вздернутым носом и маленьким, почти детским подбородком. Кононыхин заступает электромехаником на радиостанцию. Он в роте своего рода исключение — сидел в тюрьме за хулиганство. И служил сначала в другом месте. А сюда прислали на перевоспитание. В роту часто присылают таких из других частей. Офицеры заметили, что тянется парень к технике, поставили на радиостанцию. В кратчайший срок все освоил, даже не верилось некоторым. Проэкзаменовали — знает дело. К самостоятельной работе его допустили не сразу. И парень понял, что не видать ему техники, как своих ушей, если не перестанет нарушать дисциплину. В конце концов он расстался с былыми замашками. И вот уже ходит на дежурство. Но спрашивает его Владимиров все-таки построже. Просит перечислить порядок настройки радиостанции.

Солдат отвечает уверенно. Дежурный хвалит его. Кононыхин весь цветет. Видно, редко раньше хвалили. Чувствуется, благодарен всему коллективу за то, что приняли его в свою семью как равного.

Оператора, рядового Стерницкого, лейтенант просит назвать тактико-технические данные нового скоростного высотного истребителя.

Стерницкий начинает бодро, однако назвать максимальную высоту полета затрудняется.

Владимиров останавливает его:

— Что же вы? Забыли. А заступаете на боевое дежурство.

Молчит солдат, чувствуя вину.

— Идите на пункт управления и посмотрите на стенде,— говорит лейтенант Стерницкому.— Через три минуты расскажете о самолете все.

Через три минуты оператор возвращается. Теперь он знает.

— А ведь могли бы и раньше так знать, — говорит Владимиров.

Стерницкий улыбается. Он вообще неунывающий парень, компанейский. Его любят солдаты. С ним както легче служится. И беда в полбеды. Лейтенанту Стерницкий тоже нравится. Владимиров любит, как он говорит, думающих солдат, таких, которые проявляют инициативу в работе. А Стерницкий, по его мнению, как раз относится к их числу. Этот солдат не растеряется, если даже в нужную минуту в индикаторной не окажется начальника смены.

Правда, у Стерницкого не всегда с дисциплиной все гладко. Случается и грубит иногда, разговаривая с офицером. Впрочем, теперь он выравнивается. И Владимиров уверен: службу этот солдат закончит с почетом.

Ну что ж, к несению боевого дежурства смена подготовлена. Лейтенант заканчивает инструктаж. Подает команду «смирно». Теперь самое главное. Лейтенант отходит подальше, чтобы хорошо видеть всех, поправляет фуражку.

— Слушай приказ по войсковой части, — объявляет он, внутренне напрягаясь. — В соответствии с законом...

Слова боевого приказа Владимиров знает наизусть. И не потому, что ему приходится часто его произносить, а потому, что в этом приказе вся суть службы радиолокаторщиков. И солдаты этот приказ, конечно, тоже знают. Но всякий раз, когда кто-то из оперативных дежурных зачитывает его, они, это Владимиров не раз

замечал, слушают его не шелохнувшись, не переводя дыхания.

После зачтения приказа командира роты, в котором смене поставлена задача своевременно обнаружить, опознать и передать на КП части данные о всех целях и о своих самолетах, Владимиров отправляет людей на места дежурства: на радио- и радиолокационные станции, на пункт управления.

Происходит сдача смен. Старший лейтенант Сыров передает Владимирову служебную документацию, ящики с пистолетами, ключи от сейфа, коротко вводит в курс воздушной обстановки. Целей в зоне обнаружения станции нет.

— Бывай! — говорит он, махнув рукой, и уходит домой отдыхать.

Владимиров садится за стол оперативного, смотрит на планшет общей воздушной обстановки. Чистенький. Был бы такой до конца смены. Подумав это, лейтенант улыбнулся про себя: такого еще не бывало. То и дело раздаются звонки. Старшие смен докладывают о готовности к выполнению боевой задачи, поставленной им в приказе.

Пока все спокойно. Лейтенант идет в канцелярию, чтобы взять «Военный вестник». Там напечатана интересная статья о работе расчета радиолокационных станций по низколетящим целям в условиях помех. Владимиров аккуратно следит за такого рода литературой. И вообще читает много. С книгой он не расстается даже на дежурстве.

На столе командира пламенеют багрянцем первые тюльпаны. В роте стало традицией приносить цветы в канцелярию, как только они появляются в горах.

На пункте управления старший смены планшетистов ефрейтор Горбачев проводит занятие с молодыми солдатами дежурной смены, они изучают кодированные сигналы.

За стеклянной перегородкой, где сосредоточено сложное оборудование радистов и телеграфистов, попискивает морзянка.

«Это, вероятно, нам», — думает Владимиров, откладывая в сторону журнал. И точно. Через несколько секунд он слышит доклад радиста Ахмедова.

— Товарищ лейтенант, дали переключение.

Это значит, что нужно выключить одну радиолокационную станцию и включить другую. Владимиров звонит на станцию, чтобы передать указание с КП батальона.

Спустя три часа тишину на пункте управления разрывает телефонный звонок. Лейтенант снимает трубку.

— Товарищ лейтенант, цель! — докладывает оператор Стерницкий с дежурной станции.

На пункте сразу все приходит в движение. Планшетисты надевают гарнитуры и занимают свои места. И уже через несколько секунд на вертикальном планшете общей воздушной обстановки вырисовывается нанесенная рукой планшетиста четкая линия полета цели. Это свой самолет.

Считывающий Артамонов уверенно передает координаты самолета на вышестоящий командный пункт.

Через несколько минут снова звонок. На световом табло сигнал. Это планшетист, принимающий цели от оператора, сигнализирует Владимирову о появлении новой цели. Вот и ее маршрут уже вырисовывается на планшете воздушной обстановки. Линия движется по направлению к первой. Это перехватчик. Просто внизу начались полеты. Летчики выполняют упражнения согласно курсу боевой подготовки. Локаторщикам придется поработать. Количество целей увеличивается. Перехват следует за перехватом. Ну что ж: это на пользу и операторам, и планшетистам, и связистам. Лишняя тренировка не помешает.

К четырем вечера полеты заканчиваются. Лейтенант проводит короткий разбор работы планшетистов. Он ими доволен: действовали уверенно. Вот только молодые солдаты иногда опаздывали с нанесением на карту характеристик целей. Их приходилось контролировать и поправлять. Опыт приходит не сразу.

Передышка. Теперь, видно, надолго. Разве только пройдет какая «тихоходная» цель — так локаторщики называют пассажирские самолеты.

На минуту Владимиров забегает в солдатский магазин купить пачку сигарет. Заведующая и продавец этого ларька Валя Коваленко.

— Много курите, Гена! — говорит она, по старой привычке опекая молодого лейтенанта.

Планшетисты собираются в кружок. У них разряд-

ка. Слышится смех. Это рядовой Кононов что-то «заливает» о своих похождениях. Если верить ему, так можно подумать, что все женщины, с которыми он когда-либо встречался, были от него просто без ума.

Владимиров тоже рассказывает анекдот, как солдат-первогодок генерала встречал.

Вообще-то анекдот с бородой, но солдаты смеются. Лейтенант тоже смеется.

И вдруг слышатся частые удары в рельс. Сигнал химической тревоги. Это лейтенант Янковский — хим-инструктор, решил провести очередную тренировку. К этому здесь привыкли. Хочешь не хочешь, а нужно надевать противогазы.

— Ох уж этот химдым, — сетует Кононов, доставая из противогазной сумки маску. — И перед самым ужином...

Через тридцать секунд вместо знакомых солдатских лиц перед Владимировым маячат безликие резиновые маски с круглыми блестящими стекляшками на месте глаз. Слышится характерный шум воздуха, выходящего из клапанов. Голоса звучат приглушенно.

Снова раздается звонок. Опять появилась цель. Не дожидаясь приказания дежурного, Артамонов занимает место за планшетом. Владимиров за него уверен. Это один из лучших планшетистов.

Артамонов наносит маршрут цели на планшет.

И вдруг два длинных нетерпеливых звонка. Это звонит оперативный с командного пункта батальона, лейтенант Пятница.

— Ты в каком квадрате мне цель даешь?

Владимиров глядит на планшет и отвечает.

— А мы ее видим в другом месте, — перебивает Пятница. — В чем дело?

Владимиров в растерянности. Звонит на станцию, спрашивает оператора. Все ясно. Артамонов ошибся на целую сотню километров. «Вот растяпа!» — мысленно ругает лейтенант планшетиста и отвечает Пятнице:

— Вы правы. Планшетист допустил ошибочку. А ты, Пятница, опять в субботу дежуришь!

Но оперативный не реагирует на шутку.

— Ты разберись там, в чем дело, и доложи. А втыка тебе не миновать за эту ошибочку.

Владимиров со злостью вешает трубку. Цель уже

вышла из зоны обнаружения станции. Вызывает Артамонова.

— В чем дело?

— В противогазе. Слышно плохо.

— Это не оправдание. На то и объявляются химические тревоги, чтобы вы учились работать в противогазе. А если война?.. Враг не будет интересоваться, хорошо или плохо вы слышите. Не расслышать можно одну засечку, а несколько...

Артамонов покраснел до кончиков ушей, лепечет, отводя глаза в сторону:

— Да я потом обнаружил, что неправильно даю проводку, да испугался. Думал, она сейчас выйдет из зоны, и все. Случайная какая-то цель...

— Значит, на обман пошли? — Владимиров едва сдерживает себя.

Планшетист молчит, опустив голову.

— Ну что с вами делать? — лейтенанту хочется как следует отчитать солдата, но он сдерживает себя, говорит глухо, каким-то не своим голосом: — Подвели целую роту. Теперь наверняка двойку за дежурство поставят. Придется доложить командиру. А вы свободны.

Дежурный отворачивается. Идет в канцелярию, чтобы сказать о случившемся старшему лейтенанту Тимчуку. Знает, что разговор будет не из приятных.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТИМЧУК

— Разрешите войти? — в дверях канцелярии, где находится Тимчук, стоит оперативный дежурный по пункту управления Владимиров.

— Входите.

— Сегодня нам врубят двойку за боевое дежурство! — выпаливает он чуть ли не с порога.

— Лейтенант Владимиров, давайте все по порядку. И спокойно, — Тимчук знает манеру этого горячего по натуре лейтенанта всем и вся возмущаться, сгущать краски. Но сейчас чувствует, что случилось что-то серьезное. Боевое дежурство рота всегда несет бдительно.

Ради этого локаторщики живут здесь, в горах, у самой границы.

Работу роты каждодневно оценивает командный пункт батальона, куда локаторщики выдают все данные воздушной и наземной обстановки. Давно уже забыто, что существует оценка «двойка» за боевое дежурство. Даже тройки стали большой редкостью.

Владимиров докладывает. Из его слов Тимчук понял, что во время химической тревоги, когда все расчеты работали в противогазах, операторы обнаружили цель на большой предельной дальности. Планшетист Артамонов, работая в противогазе, плохо расслышал координаты о первой засечке цели, нанес цель на планшет в другой квадрат и, получая новые донесения от оператора, продолжал умышленно вести цель от неверно взятой первой исходной точки.

А это значило, что КП, получив данные из роты, мог вывести перехватчиков в район действия ложной цели, а настоящая цель подошла бы безнаказанно к важному объекту.

Но этого не случилось.

— Ну что ж, разберемся, — говорит Тимчук Владимирову. — Пока идите на пункт управления и выполняйте свои обязанности. Артамонова подмените и прикажите ему явиться ко мне.

Тимчук был взволнован случившимся не меньше оперативного дежурного. У командира роты в голове не укладывалось, как это так беспечно, так безответственно мог поступить планшетист. А он-то считал, что в роте у всех высоко развито чувство воинского долга.

Через минуту Артамонов докладывает о прибытии.

Перед Тимчуком подтянутый белобрысый крепыш с открытым добродушным лицом.

«Он, конечно, чувствует свою вину, — думает командир роты, — но вряд ли осознал ее до конца, вряд ли отдает себе отчет в том, к каким страшным последствиям могла привести его беспечность».

Тимчук помнит, как этот паренек впервые прибыл в роту из карантина. Он быстро вошел в солдатскую жизнь. Учеба давалась парню без особого труда, хотя сначала специальность планшетиста ему не понравилась. Может потому, что до армии он работал слесарем-сантехником, а потом электромонтером. Имел дело

не с ручкой и тушью, а ключами и плоскогубцами. Но бывший командир отделения коммунист Пухно сумел привить ему любовь к этой профессии. И нынешний командир Чиглинцев тоже, конечно, немало постарался. Сколько раз видел командир роты Пухно и Чиглинцева, терпеливо объясняющих Артамонову задание, полученное с КП батальона. Они учили его работать.

Артамонов освоил вторую специальность — зарядчика аккумуляторов. Отнесся к этому серьезно, и сейчас на нем держится вся аккумуляторная.

Тимчук вспомнил то время, когда в роте не было аппарата для гонки дистиллированной воды, ее привозили снизу, а зимой использовали снег. Все это было очень неудобно. Артамонов сам сконструировал аппарат, на котором за десять часов можно выгнать 20—25 литров воды. Потом он стал делать другой аппарат — электрический, более производительный и требующий меньшего ухода.

«Как же могло случиться, что этот хороший солдат, фамилия которого была внесена к 23 февраля в список отличников роты, подвел нас всех?» — думает Тимчук.

— Ну что же, Артамонов, доложите, как вы умудрились выдать ложную цель и вести ее в течение нескольких минут?

Командир роты расстроен и не скрывает этого. Пусть знает этот планшетист, что здесь вина одного ложится пятном на всю роту. И не так-то легко бывает это пятно смыть, как это может показаться на первый взгляд. Об этом должен помнить каждый солдат все время.

Артамонов переступает с ноги на ногу и поднимает на командира глаза.

— Не расслышал я. Мешал противогаз, — глухо говорит он. — Да что там говорить, товарищ старший лейтенант. Во всем виноват я. И только я.

— Хорошо. Вы не могли расслышать первую засечку. Ну, а как же получилось, что и дальше вы повели цель по неверным засечкам?

Артамонов долго мучительно молчит. Потом, видимо, набравшись духу, признается, что остальные засечки он слышал правильно, но побоялся доложить об этом дежурному. Рассчитывал на то, что ошибка останется незамеченной.

— Я понимаю, товарищ старший лейтенант, какая моя вина... Такое у меня случилось впервые в жизни..

Тимчук долго молчит, меряя шагами маленькую канцелярию.

— Да, товарищ Артамонов. Вы просто успокоились и зазнались, я так считаю, — наконец говорит командир роты. — Вы поверили в свою непогрешимость, и поэтому проявили небрежность в проведении цели. Вы обязаны были переспросить координаты первой засечки. Идите.

Командир роты понимал, что Артамонов виновен. И снисхождения к нему не может быть, какие бы ни были у него заслуги в прошлом. И самое страшное, может быть, даже не то, что он ошибочно нанес цель, а то, что струсил и повел цель и дальше неправильно, решил скрыть свое преступление.

«А если бы все это происходило в реальной боевой обстановке?..» — уже в который раз задает он себе этот вопрос.

«Значит, тут где-то мы недоработали, — думает Тимчук. — Нужно будет поговорить об этом с офицерами.

Но не снимается, конечно, вина и с оперативного дежурного. Видно, и кое-кто из офицеров болеет самоуспокоенностью. Значит, я тоже что-то упустил, а мелочи часто ведут к крупным просчетам в нашей работе...»

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИРОВ

На пункте управления ночь. Планшет общей воздушной обстановки, упирающийся своим верхним краем в потолок, чист, как небо в безоблачный день. Целей в зоне радиолокационной разведки нет.

Оперативный дежурный просматривает журналы для служебного пользования. Из головы у него не выходит происшедшее с Артамоновым. Он понимает, что и сам в какой-то степени виноват, что Артамонов запорол цель. Нужно было проконтролировать, а не надеяться на его опытность. Да, нехорошо получилось.

«Ну ничего, — пытается успокоить себя лейтенант,— на ошибках учатся».

Владимиров не любит долго расстраиваться. «Жизнь такая штука, что гладко все никогда не бывает, — рассуждает он. — Неудачи живут рядом с удачами, грустные минуты с радостными».

Тишина убаюкивает. Даже глаза слипаются. Но Владимирову нужно еще проверить боевое дежурство расчетов станций, часовых.

Он надевает шинель, выходит на крыльцо. Запаздывает нынче лето. В прошлом году в это время уже ходили в летней форме — «кубинке», как ее здесь называют. Ее выдают только туркестанцам. Она нравится Владимирову: рубашка защитного цвета с короткими рукавами и отложным воротником, панама с широкими полями и дырочками для вентиляции, свободные, наподобие лыжных, шаровары. Отличная форма.

Дежурный идет вдоль станций. Темно. Только прожектор-юпитер, установленный на столбе возле бани, выхватывает из мрака поблекшие за зиму домики: казарму, клуб и старую корявую арчу возле клуба. Ночью городок кажется совсем маленьким, почти игрушечным. Это потому, что ничего не видно. Даже страшно почему-то делается Владимирову, когда он думает, что вокруг на десятки километров ни единой души. Только горы, горы и горы. И граница рядом. Чужая земля.

Лейтенанта окликает патрульный.

— Стой! Кто идет? Пароль?

Дежурный произносит в темноту отзыв.

Патрульный с карабином наперевес выходит из-за дерева. Это Колбин — невысокий, щуплый солдат. Владимиров узнал его по голосу.

— Озяб сильно?

— Есть немного.

— Скоро сменят. Все в порядке?

— Нормально.

Дежурный направляется к станции и встречается еще с одним патрульным. Он с собакой Дозором. В роте Дозор знает всех. Он подбегает, ластится. Лейтенант треплет его за ухо и идет на станцию.

Дежурный электромеханик Асанов докладывает, что все агрегаты питания исправны и находятся в боевой готовности.

Асанов молодчина. Он только недавно приехал из отпуска, который получил как поощрение за успехи.

— Спать не хочется?

— Конечно, хочется, — смеется Асанов. — Да нельзя.

В индикаторной темно. И душновато.

Знакомое, едва уловимое глазом сияние исходит от экранов кругового обзора. На пульте управления белыми, зелеными, красными огоньками светятся приборы контроля работающей аппаратуры, осциллографы, лампочки накала и включения высокого напряжения, шкалы качания антенн.

Монотонно и убаюкивающе гудят вентиляторы обдува кабины и охлаждения аппаратуры, переплетаясь с характерным тенькающим шумом моторов блока индикаторов.

Лейтенант устраивается возле крохотного столика и смотрит, как работают люди. Ему не хочется уходить. Но нужно. На проверку боевого дежурства отводится не так уж много времени. Он все-таки должен находиться на пункте управления.

Во втором часу звонит оперативный КП батальона Пятница, проверяет, как локаторщики несут службу.

— Как там, не ожидается контрольная цель? — спрашивает Владимиров.

Пятница усмехается в трубку.

— Нам не докладывают. Иначе, какая же это будет контрольная цель?

Лейтенант и сам знает это.

Контрольная цель — это наш самолет, который совершает полет по приказу командования для проверки бдительности радиолокационных частей. Даже один пропуск такого самолета или несвоевременное обнаружение может свести на нет всю работу.

Вообще-то локаторщики привыкли к таким самолетам, появляющимся в воздухе в самое неожиданное время, и за последнее время не пропустили ни одного. Недаром же высокогорная рота заняла первое место в округе по сверхдальней проводке целей. Но случай с Артамоновым напоминает о том, что это место можно и потерять.

Владимиров предупреждает Чиглинцева, чтобы он, как только появится цель, поднял его. Вытаскивает из-под стола раскладушку и ложится отдохнуть.

А через полчаса Чиглинцев уже толкает лейтенанта в бок.

Владимиров быстро поднимается, глядит на освещенный планшет. По нему тянется черная линия с запада.

«Вероятно, и впрямь контрольная», — думает он.

Считывающий Цепилов смотрит на планшет и, поднеся к губам микрофон, передает по радио координаты цели на КП батальона.

Владимиров отбрасывает в сторону матерчатый полог, за которым установлен блок с индикатором кругового обзора, и ищет на экране отмеченную на планшете цель.

Оператор и планшетист работают точно. Владимиров звонит Пятнице:

— Как принимаешь?

— Нормально, — отвечает он.

— Контрольную?

— Кажется. Пусть там внимательнее смотрят у вас. А то...

— Ладно, ладно, — Владимирову не хочется, чтобы он снова напоминал о дневном промахе.

— То-то. Как там у вас, в горах, погода? Обещают ветер.

— Ветерок есть, — отвечает лейтенант. — Но ты не волнуйся, мы за погодой следим.

Рота ведет цель еще некоторое время, а потом передает соседней станции.

Неплохо бы сейчас еще вздремнуть, но предупреждение Пятницы насчет ветра заставляет Владимирова снова выйти на улицу. Ветер в пределах нормы — когда можно идти и не сносит с ног... Звезды местами проглядывают из-за косматых туч. В общем, все, как обычно, только ветер холодный, пронизывающий, совсем не весенний.

«Надо будет на всякий случай подтянуть тросы приемно-передающей кабины, — решает дежурный. — Ведь если ветер усилится, ее может сорвать».

Владимиров не без труда добирается до взгорка, на котором установлена приемно-передающая кабина с крыльями антенн, и тут вспоминает, что забыл фонарик. Возвращаться не хочется. Ищет трос ощупью. Добраться по нему до нижнего конца, прикрепленного к

лебедке, — дело одной минуты. Лебедку уже успело засыпать песком, и лейтенант с трудом вращает ручку.

Справившись с этим делом, идет обратно. Руки закоченели.

Утром звонит Пятница.

— Спешу поздравить. На тройку все-таки натянул. А вообще-то благодари бога, что в первый раз. Все-таки хорошо на полетах работали. Командир батальона остался доволен. И контрольную цель провели точно. Это вас и спасло.

Владимирову обидно, конечно, получать тройку. Но он не подает виду, смеется в трубку.

— Говорят, и тройка государственная оценка. В следующий раз получим пятерку.

Потом решительно подходит к доске оценок результатов боевой работы за сутки. Против графы отделения планшетистов выводит жирно единицу. Единица стоит среди пятерок и четверок и потому выделяется еще больше.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЧИГЛИНЦЕВ

Давно во взводе связи не было таких комсомольских собраний. И если бы не ошибка Артамонова, то оно, наверное, не состоялось бы.

Да, рота неплохо работала в последнее время, и успехи не могли не радовать локаторщиков.

— Но вместе с радостью к нам, видимо, пришло и какое-то успокоение. А ведь может случиться, когда, ознакомившись с нашей работой, руководство скажет: «Была отличная рота и нет отличной роты».

Так говорил собравшимся на пункте управления замполит старший лейтенант Коваленко. Сидя вокруг огромного, затянутого калькой горизонтального планшета, комсомольцы слушали замполита, опустив глаза. Было неловко, стыдно.

И еще Коваленко говорил о том, что не те сейчас времена, чтобы можно было почивать на лаврах. Говорил о событиях во Вьетнаме, где фактически идет настоящая война с применением всех видов вооружения, о том, что американцы хотят расширить фронт этой войны.

Замполит недавно в роте. Спокойный и очень выдержанный человек. Никто не слышал, чтобы он когда-нибудь повысил голос, ругался. Можно только поразиться его терпению, с каким он разговаривает иногда с нерадивым солдатом. Сколько раз, слушая замполита, Чиглинцев давал себе слово не повышать голос в разговоре с солдатами, и не сдерживался: голос у него какой-то зычный!.. Хочет говорить тихо, а не получается. Просто беда. Даже замечания получал от командира роты за свою невыдержанность.

И потом Коваленко очень дотошный, до всего докапывается сам. Его можно увидеть и в индикаторной, и среди планшетистов пункта управления, и на радиостанции. И при этом он всегда находит себе дело, показывает, как нужно выполнять ту или иную работу. И уж если за что берется Коваленко, можно не беспокоиться: сделает так, что переделывать не придется. Он не считает зазорным взяться и за черновую работу. Если нужно, вместе со всеми долбит камень киркой, убирает территорию городка, красит мелом стены казармы.

Замполит напомнил локаторщикам о тех изменениях, которые произошли в вооружении капиталистических стран, о новых самолетах, обнаружить которые сложнее, потому что они приспособлены к полетам на низких высотах с большой скоростью.

— Сейчас очень важно обнаружить исходную засечку цели, чтобы правильно организовать перехват. А у нас, оказывается, не все это могут.

Это был упрек Артамонову, упрек Чиглинцеву, как групкомсоргу взвода связи, упрек всей комсомольской организации, которая, видимо, недостаточно уделяет внимания тому, чтобы все боевые расчеты работали слаженно, чтобы больше тренировались.

Чиглинцев смотрит на Артамонова. Солдат как-то сжался весь, глядит в окно невидящими глазами. Думает. Пусть. Ему есть о чем подумать. Да и не только ему.

«Да, мы мало стали тренироваться, — признается сам себе Чиглинцев. — Если нас не заставят заниматься, мы целый вечер биллиардные шары гоняем или травим баланду в курилке. Осенью ушли в запас отличные специалисты, на их место прислали зеленую мо-

лодежь. Ну что ж, из армии всегда уходят хорошие люди, лучше тех, что остаются. И каждый год надо готовить смену. Нас, «стариков», тоже готовили и сейчас готовят, а мы много ли внимания уделяем молодым солдатам? Нет, немного! Неужели забыли, как нас самих учили, когда мы пришли сюда? Имеем ли мы право уходить в запас, не передав молодежи своих знаний, своего опыта?»

И вот Чиглинцев встает со своего председательского места и говорит обо всем этом собранию.

Его поддерживает Сатаров. Он напоминает о том, что планшетисты должны не меньше двух раз в неделю проводить тренировки. Особенно много нужно тренироваться молодым планшетистам.

— Я что-то ни разу не видел, — говорит он, — чтобы кто-нибудь из наших молодых планшетистов подошел к телефону и попросил оператора выдать ему цели для тренировки.

Почти все комсомольцы выступили на этом собрании, и все до единого осудили поступок Артамонова и потребовали, чтобы он дал честное комсомольское слово впредь нести службу только на хорошо и отлично.

И планшетист Артамонов дал такое слово. И просил оставить его на пункте управления.

В постановлении собрания комсомольцы записывают, что главное сейчас — это тренировки, тренировки и еще раз тренировки.

Комсомольцы поручают Горбачеву сделать доску оценок результатов боевой работы, где можно было бы каждый день записывать фамилии всего состава боевой смены и каждому человеку выставлять оценку за дежурство.

СОЛДАТ СТЕРНИЦКИЙ

Сержант Родин включил Стерницкого в список внутреннего наряда. После обеда солдат готовится к заступлению: повторяет устав караульной службы, обязанности часового, потом приводит в порядок обмундирование и ложится отдохнуть. Засыпает, как всегда, очень быстро. Наверно, только солдаты умеют так за-

сыпать. Жизнь научила их спать «про запас». И его нисколько не будут беспокоить разговоры в казарме, смех, ходьба, будничные команды дневального, будничные разговоры дежурного по телефону. Но зато он может услышать малейшую тревогу в голосе того же дневального или дежурного, когда начинается боевая работа. Так умеют спать только солдаты.

В шесть вечера дневальный поднимает тех, кто отдыхал перед нарядом. Стерницкий быстро одевается. И вот уже вместе с другими строится на инструктаж.

На вопросы инструктирующего офицера отвечает уверенно. За полтора года службы ему немало пришлось походить в наряде.

Товарищи Стерницкого тоже отвечают все правильно. Офицер доволен.

В восемь вечера Стерницкий получает у дежурного по роте свой карабин и патроны.

Маршрут его проходит мимо офицерских домиков, радиолокационной станции и склада ГСМ. Он даже знает, сколько шагов от шлагбаума до шлагбаума.

Рота уже поужинала и теперь отдыхает.

На спортплощадке собрались физкультурники. Здесь, как всегда, верховодят лейтенант Новицкий и младший сержант Чиглинцев. Один невысокий, юркий, кувыркается на брусьях и кольцах, а второй, рослый и неповоротливый, возится со штангой, навешивая на нее блины. Чиглинцев только что поднял сто килограммов и хочет увеличить вес. Он любит демонстрировать свою силу. Однако следующая попытка у него неудачная. Подходит к штанге сержант Родин. Тоже здоровый парень. Плечи как у Геркулеса. Он дружит с Чиглинцевым и не хочет от него отстать. Но ему все-таки не удается взять такой вес. Впрочем, отстает он ненамного, и Стерницкий уверен, что в ближайшее время сержант обгонит Чиглинцева. Ему хочется, чтобы это случилось, чтобы на очередных спортивных соревнованиях личный состав их расчета вышел на первое место в роте.

Начинает смеркаться. В ущельях копится сумрак, скоро он придет и сюда, на позицию. А вершины гор все еще высвечены солнцем. На них лежит снег. Нынче лето не спешит в горы, и снег долго будет напоминать о прошедшей зиме, о холодах.

4. Экономов

Здесь и сейчас еще не тепло, хотя внизу давно уже ходят без шинелей. Локаторщикам, конечно, обидно. Но что поделаешь. Летом те, кто живет на Большой земле, будут изнывать от жары.

Из Ленинской комнаты слышится музыка. Это участники художественной самодеятельности готовятся к концерту.

Руководит самодеятельностью замполит роты. Он и сам поет лирические песни. У него красивый тенор.

У исполнителей пока нет еще нужной слаженности. И старший лейтенант Коваленко их поправляет. Он удивительно терпелив. Будет поправлять каждого до тех пор, пока не добьется своего.

Стерницкий идет дальше по своему маршруту.

Вот уже загораются огни в домах.

Солдаты выходят из казармы и направляются в клуб. Спортплощадка тоже пустеет. Сегодня в роте кино.

До недавнего времени кинофильмы «крутил» только один Стерницкий, но теперь у него есть помощник — солдат Шамгулов. Он тоже получил права киномеханика и, когда Стерницкий в наряде, успешно замещает его. Ребята зовут его «помпотехом» Стерницкого.

Случается, особенно зимой, в роту дают старые фильмы. Ведь не всегда удается новый кинофильм быстро спустить с гор по заснеженным дорогам в другие воинские части. Но и среди старых попадаются отличные пленки. Особенно про любовь. Такие фильмы солдаты могут смотреть несколько раз, и нередко бывает, что одну и ту же картину крутят дважды, а то и трижды. И всегда все места заняты.

Совсем стемнело. Позиция опустела. И теперь Стерницкий ходит один. Впрочем, нет. По другим маршрутам ходят другие патрульные. Иногда они сходятся вместе и перебрасываются на ходу несколькими словами.

Вот уже и кино кончилось.

После вечерней поверки все быстро ложатся спать. Погасли огни в казарме.

Проходя мимо домика, в котором живут холостяки, Анатолий видит на занавеске тень от головы командира роты, склоненной над столом. Он готовится к поступлению в академию и что-то читает. Вместе с ним

будет поступать в академию и старший лейтенант Комиз.

С одной стороны, Стерницкому, конечно, хочется, чтобы они поступили учиться, но с другой... Кто знает, кого пришлют на их место. А к старшим лейтенантам Тимчуку и Комизу солдаты уже здорово привыкли.

В соседней комнате слышится разговор, смех. Там, наверное, лейтенант Новицкий разыграл кого-нибудь из товарищей. Он вечно разыгрывает всех.

Владимиров сидит на койке возле электрического камина в своей неизменной красной футболке и играет на гитаре, которую он недавно купил. Ничего гитара. Семиструнная. Звук мягкий, мелодичный. На полу перед ним лежит раскрытый самоучитель.

Потом Стерницкий направляется к складу ГСМ, что расположен на отшибе. Несколько минут тихо стоит под грибком, где телефон, и возвращается назад.

На обратном пути он видит окно своего начальника станции, старшего лейтенанта Сырова. Сыров стоит, прислонившись лбом к стеклу, и думает о чем-то. Интересно бы узнать о чем?

И вдруг тишину ночи нарушают громкие удары в рельс. Гаснет прожектор.

Тревога!

Посторонние мысли отлетают в сторону.

На границе почти не устраивают учебных тревог. Хватает и неучебных.

«Опять, наверное, чужой самолет приблизился к нашей границе, — думает Анатолий. — Чего они лезут? Что им нужно? Или рассчитывают на то, что мы здесь спим?..»

Во время тревоги в гарнизоне затемняют все лампочки, которые видны с улицы, окна в казарме и офицерских домиках. Прожектор, освещающий площадку, тоже выключают и пользуются только потайными фонариками. Все погружается в непроглядную тьму. И если бы не рокот агрегатов питания, то можно было бы подумать, что поселка в горах не существует.

Стерницкому не видно, как солдаты вскакивают с постелей, одеваются почти на ходу, разбирают из пирамид оружие, патроны и бегут занимать свои места, но представить все это он может отлично. Сколько раз сам поднимался по тревоге.

Вот слышатся чьи-то торопливые шаги.

— Стой! Кто идет? — спрашивает Стерницкий, беря карабин на изготовку. — Пароль?

В ответ слышится голос ефрейтора Горбачева. Он посыльный и бежит оповестить офицеров о тревоге. Но они, кажется, еще не легли спать и через минуту выбегают на улицу, придерживая на боку противогазы.

Расчеты быстро занимают свои места. У индикаторов кругового обзора вместо операторов садятся начальники смен и начальники радиолокационных станций. Залегли в окопах свободные от дежурства солдаты с карабинами в руках. У каждого свой сектор обстрела. Поднялись кверху стволы зенитных автоматических пушек.

И снова на позиции тишина.

Только слышно, как монотонно гудят двигатели работающих станций.

Проходит около часа.

И вот дежурный по роте оповещает о том, что тревога снята.

Враг, как видно, не рискнул перелететь границу. Так бывало и прежде. Просто, наверное, хотел проверить, где слабое место в нашей обороне.

Солдаты, тихо переговариваясь между собой, возвращаются в казарму. Уже замелькали огоньки папиросок в курилке.

Спустя некоторое время приходит смена, и Стерницкий идет спать.

А рано утром он снова на ногах. Еще темно. С гор дует свежестью. И он поднимает воротник бушлата. Перед рассветом здесь всегда бывает особенно холодно.

Радиолокационные станции не работают. Значит, работают станции где-то в соседних ротах. Антенные сооружения напоминают в темноте каких-то огромных неуклюжих птиц с высоко поднятыми крыльями.

Вот уже прокричал несколько раз свое извечное кукареку петух старшины Губанова. Значит, скоро будет светать.

На гражданке Анатолию не часто приходилось наблюдать, как светает. Разве только, когда ездил на рыбалку. В горах рассвет наступает быстро. И светает чаще не с горизонта, а где-то чуть ли не со средины неба, — это потому, что внизу стелется туман. И вот

уже все видно вокруг, только солнце пока еще прячется за каменными зубцами, и горы в это время кажутся какими-то нереальными, словно они нарисованы на бумаге.

Вышел из казармы дружок Стерницкого солдат Артамонов. Он сегодня рабочий по кухне и должен затопить печи. Стерницкому слышно, как гремят ведра: это Рудольф несет воду для чая.

В шесть утра в окне кухни замаячила тень повара Гафурова. Он как бессменный часовой. И только когда заболеет, его место у плиты занимает старшина Бойченко или младший сержант Чиглинцев.

Почти одновременно с Гафуровым поднимается и пекарь Эшкуватов. Тот и другой узбеки. Они соревнуются между собой. Случается, конечно, что борщ бывает пересоленным, хлеб недопеченным с коркой в палец толщиной, но редко. Оба они любят свое дело.

До подъема еще полчаса, а на спортивной площадке уже появляется лейтенант Новицкий. Все в том же выгоревшем спортивном костюме, белой шапочке и белых кедах. Кажется, он с вечера и не уходил отсюда. Вслед за ним выходит Владимиров с гантелями в руках. Некоторое время офицеры сосредоточенно занимаются, потом Новицкий идет в казарму, где уже раздалась команда «Подъем». Сегодня он будет разучивать с солдатами новый комплекс физподготовки.

Солнце показалось из-за зубчатой стены гор. Начинается новый рабочий день.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЧИГЛИНЦЕВ

— Все в сборе? — спрашивает секретарь ротной комсомольской организации Саша Горбачев, оглядывая участников рейда, собравшихся в курилке.

В рейдовую бригаду, кроме него, входят Владимиров, Губанов, Стерницкий, Коваленко, Бойченко и Чиглинцев. Членам бригады поручено проверить состояние рабочих мест и боевой техники в роте, несение боевого дежурства.

— Все! — отвечает старший лейтенант Коваленко, заряжая фотоаппарат. — Трогаемся.

Такие рейды в роте проводятся довольно часто. По их результатам выпускают специальную стенгазету «Профилактика», фотомонтажи и боевые листки.

Все это помогает локаторщикам повысить боевую готовность.

Посоветовавшись на ходу, члены рейдовой бригады решают начать проверку с пункта управления.

Оперативный дежурный сегодня лейтенант Новицкий.

— Вызовите оператора, — говорит ему Коваленко. — Дайте отсчет времени.

Время — важный фактор в работе локаторщиков. Оно должно быть одинаковым на всех радио и радиолокационных станциях, на пункте управления.

— Тридцать пять с половиной, — докладывает Вячеслав Новицкий.

— Плохо. Сейчас тридцать шесть, — говорит старший лейтенант, глядя на часы оперативного дежурного. — Разница в тридцать секунд.

— Не с тех часов давали отсчет, — слабо возражает оперативный дежурный.

— Выходит, вы живете по своим часам. Как же это так? Утром сверяли?

— Конечно.

— Какое было отклонение?

— Девять секунд.

— Дайте журнал сверки. Где это записано?

Новицкий молчит.

— Непорядок со службой времени, — заключает замполит. — Немедленно проверить все часы. И наведите порядок в журнале.

Коваленко и Владимиров внимательно просматривают журнал радиолокационной обстановки.

— Замеряли сегодня? — спрашивает Геннадий.

— Нет еще.

— Плохо. А если выпадет радиоактивный дождь? Нет, я серьезно. Выпадали же такие дожди после испытания атомной бомбы в Сахаре. Нужно замерить немедленно.

Новицкий достает из футляра специальный прибор, регулирует его.

После пункта управления комсомольцы осматривают все радиостанции и территорию взвода связи.

Члены рейдовой бригады подходят к одной из радиостанций.

— Уверен, — говорит лейтенант Владимиров, — сейчас механик сидит там без ремня и с расстегнутым подворотничком. Вот посмотрите.

И точно. Механика электростанции Степана Осокина застают не только без ремня, но даже и без сапог. Как видно, решил вздремнуть после обеда, воспользовавшись тем, что из части дали «отбой» готовности.

Чиглинцеву больше всех стыдно за своего подопечного.

Осокин сначала учился в учебном взводе на радиста. На приеме работал довольно хорошо, безошибочно принимал по радио учебные радиограммы, а вот передавать их ключом долго не мог. Особенно ему не давались цифры.

С грехом пополам он все-таки сдал экзамены. Его направили в высокогорную роту. Это было год тому назад. Работал он плохо. Радисты, принимающие от него радиоданные, с трудом разбирались в сигналах и только благодаря опыту и знанию кодированных таблиц догадывались, что он дает.

В это время командиром отделения электромехаников и радистов назначили младшего сержанта Виктора Шалашникова. Он стал устраивать Осокину дополнительные тренировки, однако сдвигов по передаче у парня не было. Осокин старался, но, как говорится, не было таланта. Именно таланта. Не случайно же во время войны радистами в первую очередь брали музыкантов.

Чиглинцев дружит с Шалашниковым. Виктор обучает Чиглинцева смежной профессии электромеханика. Как-то они разговорились об Осокине.

— А что, если его перевести в электромеханики?— сказал Чиглинцев. — Может, там найдет свое место. А электромехаников к тому же не хватает. Сам Осокин, кажется, тоже хочет этого.

— Говорил я уже с командиром. Но пока безрезультатно.

— Хорошо, я тоже поговорю, от имени всей нашей комсомольской группы.

И разговор такой вскоре состоялся.

— А вы уверены, что он будет хорошим электроме-

хаником? — спросил Чиглинцева старший лейтенант.

— Мы приложим все силы, чтобы он был таким.

Осокин стал электромехаником. Он быстро освоил настройку станции, научился грамотно эксплуатировать двигатель. Сначала он ходил на боевое дежурство в паре с опытными электромеханиками: коммунистом Бекмурзаевым, комсомольцем Кононыхиным и, конечно, с Шалашниковым. Потом сдал зачеты старшему лейтенанту Суслопарову, и теперь сам отлично справляется с работой.

И вот члены рейдовой бригады застают Осокина на боевом дежурстве в таком виде. Как комсомольцы теперь посмотрят в глаза командиру роты?

Владимиров уже проверяет содержание рабочего ящика электростанции, извлекает оттуда носки, мыльницу с мылом.

Осмотрев радиостанции, комсомольцы идут на радиолокационную станцию «Десерт». Дизель на ней работает, а механика нет на месте. Наверное, ушел в баню. Тут же валяются заправочные ведра, инструменты, кружка, куртка, из кармана которой торчит вилка для проверки аккумуляторов и еще какой-то прибор. В ящике для оттяжных тросов старшина Губанов находит портянки.

Приклеенная к щиту опись имущества совершенно выгорела и невозможно понять, что там написано. Старший лейтенант срывает ее и убирает в карман: пригодится при выпуске «Профилактики». Потом Коваленко заглядывает в дупло растущей рядом арчи, превращенное в свалку, достает оттуда чехол для фляги, ремни от мотора, журналы.

Члены рейдовой бригады подходят к другой радиолокационной станции.

Лейтенант Владимиров на своих длинных ногах вырывается вперед. Еще бы! На этой станции он работает начальником смены, а теперь будет замещать старшего лейтенанта Комиза. Ему не хочется, чтобы его операторов застали врасплох, как Осокина.

— Кирпичи лежат в беспорядке, — замечает Чиглинцев на ходу, но Владимиров не из тех, кто сдается без боя.

— Отлично лежат, — возражает он, не останавли-

ваясь. — Мы слишком придирчивы друг к другу. — А сам скорее идет к станции.

Ребята смеются. Все знают привычку Владимирова спорить и оправдываться.

Недостатки здесь примерно такие же, как на других станциях.

В индикаторной, как комсомольцы и думали, операторы одеты не по форме. Вафаев без ремня.

На электростанции, под старыми фуфайками, обнаруживается целая библиотека: книги, журналы, а сам электромеханик — долговязый, остриженный наголо солдат Асанов — поспешно приводит себя в порядок, застегивает пуговицы на воротничке, стараясь успеть до того, как сюда подойдет фотограф. Кому же хочется фотографироваться для «Профилактики»?

Члены рейдовой бригады идут на позицию следующей станции, которую возглавляет старший лейтенант Сыров.

Недостатки и тут обнаруживаются. Комсомольцы то и дело говорят фельдшеру Бойченко, который записывает все в блокнот:

— Грязь вокруг каптерки.

— Шланг валяется.

— Бочка с маслом не на месте.

— Тягач ржавый. Преступно до предела.

Начальник радиолокационной станции лейтенант Сыров не согласен с этой формулировкой.

— Ржавый — верно, — говорит он. — Но не преступно до предела.

Начинается спор, и больше всех спорит Владимиров.

Члены бригады идут на склады с горюче-смазочными материалами, чтобы проверить, в каком они состоянии.

По окончании рейда все собираются в канцелярии и подводят итоги работы. Комсомольцы решают сегодня же к вечеру выпустить фотомонтаж, а завтра с утра организовать воскресник и устранить недостатки, которые обнаружила рейдовая группа.

Из академии ПВО пришел вызов. Тимчука допустили к сдаче вступительных конкурсных экзаменов.

Рад ли он? Конечно, рад!

С каким нетерпением он ждал этого вызова. Ведь академия — это прежде всего знания. А без глубоких теоретических знаний современному командиру работать трудно, почти невозможно.

Он еще не знает точно, сдаст ли экзамены в академию, пройдет ли по конкурсу. Ведь желающих учиться много. Сейчас почти каждый офицер стремится к знаниям, хочет быть грамотным, знающим сложную технику командиром. Этого требует жизнь. И, конечно, готовились допущенные к экзаменам офицеры серьезно, не жалели сил.

А готовиться в горных условиях старшему лейтенанту Тимчуку было трудно. Консультацию здесь получить не у кого. Все надежды на книги и старый багаж знаний. А между тем с тех пор, когда Тимчук последний раз переступил порог общеобразовательной школы, прошло восемь лет. Естественно, многое забылось.

Да и времени на подготовку было маловато.

И нужно все время держать ухо востро. Тут бывает не до подготовки. Тут впору бывает только пообедать.

Но в академии на это скидки не делают. В академию берут достойных. Это, конечно, ему известно.

И вот через час Тимчук уезжает. Роту временно передает своему заместителю по политчасти. А может быть, и не временно.

Виктор Тимчук уверен: замполит справится. Дело он знает отлично. Коллектив его любит. Ну, а чего ему еще недостает, чтобы стать командиром, приобретет. Командирами не рождаются.

А замполитом в роте пока будет Барановский. Из офицеров он самый молодой и в горах служит недавно, но сумел уже, что называется, проявить себя. Он, как и Николай Коваленко, заражает личным примером, трудолюбием. А разве может солдат сидеть сложа руки, если офицер работает засучив рукава?

Сегодня Тимчук, можно сказать, уже не командует. Но по старой привычке он с утра на ногах. Ходит по роте, дает последние указания, подсказывает, советует.

Грустно расставаться. Ведь четыре года прошло с тех пор, как однажды холодной осенней ночью он прибыл сюда на машине с лейтенантом Эдуардом Сыровым. Многое сделано за это время. Многое еще хотелось бы сделать. Ну, да он уверен, это сделают без него.

Утро сегодня как по заказу. Небо чистое и нет ветра. Видно, лето окончательно вступает в свои права.

Тимчук заходит в казарму. Это высокое здание с широкими окнами по обе стороны. На окнах занавески, на тумбочках салфетки. Постели аккуратно застланы. Старшина роты любит порядок, и в казарме порядок чувствуется во всем.

Старшему лейтенанту невольно вспоминается, как они, только что приехавшие молодые офицеры, участвовали в завершении строительства этой казармы. Пришлось и топором поработать, и рубанком. Не один десяток гвоздей забит им в ее стены.

А сколько труда было вложено в оборудование нового пункта управления, который сейчас в этом же здании, где и казарма. Тимчук смотрит на огромный вертикальный планшет, на котором ежесекундно отражается воздушная обстановка. Потолок пункта управления обит материалом и хорошо поглощает лишние звуки. Радисты находятся в специальной комнате со стеклянной стеной. У них там царство звуков и сигналов.

На горизонтальном планшете идет учебная тренировка. Ефрейтор Горбачев готовит себе смену. Он осенью уходит в запас.

Сколько бессонных ночей провели офицеры с ним и с другими солдатами на этом пункте управления, во время боевого дежурства. Сколько было занятий. А сейчас Александр Горбачев передает свои знания другим.

Внимательно наблюдает за работой подчиненных командир отделения планшетистов Чиглинцев. Он доволен: за короткое время ему удалось подготовить хороших специалистов.

Тимчук тоже доволен.

Перед отъездом ему хочется побывать всюду, со всеми проститься.

В классе операторов идет собрание расчета радиолокационной станции по подведению итогов боевой и политической подготовки за месяц. Начальник станции старший лейтенант Сыров ставит в пример рядового Стерницкого.

Тимчук невольно вспоминает, сколько хлопот доставлял ему этот симпатичный светловолосый парень. А теперь Анатолий Стерницкий не только хороший киномеханик, но и опытный специалист. Недавно он сдал на второй класс оператора. В его зачетной книжке не один десяток проводок сверхдальних целей.

Но Стерницкий не думает останавливаться.

Ведь его «конкурент» Иламан Илясов сдал уже на первый класс. За отличное знание техники и грамотную ее эксплуатацию Тимчук предоставил этому солдату краткосрочный отпуск. Стерницкий тоже мечтает об отпуске.

Значит, старания офицеров роты не прошли даром. И Стерницкого все-таки удалось увлечь. Парень полюбил сложную радиолокационную технику, нашел свое место в расчете. А с любовью к технике пришло и трудолюбие, и усердие к службе.

Подходит старшина Губанов и спрашивает Тимчука, откуда взять трехфазное питание для бетономешалки, которая используется на строительстве нового автопарка. И они идут по городку на строительную площадку, где уже вовсю кипит работа. Операторы и планшетисты на время превратились в каменщиков и бетонщиков. Их руками сделано немало в роте. В прошлом году эти руки построили отличную баню.

— Алексей Васильевич, — обращается командир роты к старшине, — ты уж проследи здесь за всем. Нужно, чтобы наш автопарк был на высоте.

— Не беспокойтесь, Виктор Иванович, — отвечает старшина. — Так и будет.

Посоветовавшись между собой, офицеры решают использовать для бетономешалки резервный двигатель.

Младший сержант Егор Родин объявляет перекур. Солдаты знают, что их командир уезжает из роты, обступают его.

— Значит, в Россию? Заезжайте к нам по дороге — в Башкирию, — говорит Колбин. — Моя мать встретит вас по-царски.

— Заеду, — улыбается Тимчук. — Расскажу, как здесь служит сын-царевич.

Тимчук прощается.

— Смотрите, стройте так же хорошо, как несете боевое дежурство, — говорит он уже серьезно. — Приеду, проконтролирую.

А в голове мелькает мысль: приедет ли?

Колбин догадывается, о чем думает командир. Говорит:

— Мы бы не против, чтобы вы приехали.

Машина с вещами уже ждет. Вагидов закрывает капот. Славный парень, он приехал в горы совсем мальчишкой. Даже усы как-то не вязались с его лицом. А теперь Джамалал так возмужал, что его, наверное, не узнают дома. Отличный солдат. В конце минувшего года его приняли в кандидаты партии.

Тимчук садится в кабину, и машина стремительно, «по-вагидовски», трогается с места.

Часовой открывает шлагбаум и, прощаясь, вскидывает карабин.

Машина набирает скорость.

Вот уже и домики скрылись за косогором. И только огромные крылья антенн еще видны. Вращаясь, они словно машут Тимчуку на прощанье.

А впереди простирается до боли знакомая и всякий раз по-новому красивая горная дорога. И ей не видно конца.

ОТ АВТОРА

Когда эта книга была уже подготовлена к печати, мне снова довелось встретиться с некоторыми ее героями — уже в Москве.

Я разговаривал с командиром отдельной высокогорной роты старшим лейтенантом Тимчуком. Впрочем, теперь он слушатель Военной академии. А ротой командует бывший замполит старший лейтенант Коваленко. Виделся я и со старшим лейтенантом Сыровым и лейтенантом Владимировым. Они, как и другие офицеры, продолжают службу на высокогорной точке.

В роте ничего не изменилось, если, конечно, не считать того, что многие офицеры повышены в должности, переведены на самостоятельные участки, увеличилось число классных специалистов. Ушли в запас Чиглинцев, Горбачев, Родин, Шалашников, Колбин

и другие, служившие по третьему году солдаты и сержанты. Их место заняли недавно прибывшие в армию воины. Ну что ж, это закономерно. Одни уходят, чтобы включиться в мирный созидательный труд страны, другие приходят, чтобы охранять этот труд.

Стерницкий и Артамонов уже служат по третьему году. Их фамилии, а также фамилии многих других солдат, сержантов и офицеров, о которых рассказывалось в книге, занесены на доску отличников боевой и политической подготовки.

Как знать, может, кто-то из вас, мои дорогие читатели, когда наступит ваш черед служить в армии, попадет на эту отдаленную точку и примет военную эстафету от тех, кто служит там сейчас.

Будет трудно. Армия есть армия. Здесь не забывают суворовской заповеди: тяжело в ученьи — легко в бою.

Но с такими людьми, как те, о которых мой рассказ, любая трудность в полтрудности. Вы почувствуете себя равноправным членом большой дружной семьи. Рота станет для вас родным домом, как стала она когда-то для тех, кто ушел в запас, кто пишет письма товарищам, рассказывает о своей жизни, об успехах и неудачах, советуется с командирами в трудные минуты, интересуется, как идет служба в роте.

А служба идет, как ей и положено. Воины учатся, осваивают новую технику, несут боевое дежурство. Воздушная граница нашей Родины по-прежнему на крепком замке для тех, кто пытается перейти ее без спроса.

Служба продолжается.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Аркадьевич
Экономов

КОРДОН В ОБЛАКАХ

Художник Е. И. Селезнев
Редактор Л. Г. Беляева
Художествен. редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор З. И. Сарвина
Корректор Р. М. Рыкунина

Г-57336. Сдано в набор 15. XII 1967 г. Подписано к печати 24. VII 1968 г. Изд. № 3/4676. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Тираж 65 000 экз. Цена 17 коп. 3,5 физ. п. л. = 5,88 усл. п. л. уч. изд. л. 5,74.

Издательство ДОСААФ
Москва, Б-66, Ново-Рязанская, 26.

Отпечатано с матриц типографии ДОСААФ в типографии № 2 изд-ва и комбината печати «Радянська Україна», г. Киев, ул. Анри Барбюса, 51/2. Зак. 107.

Цена 17 коп.